

ОЛЬГА ЛУКАС

ТРИНАДЦАТАЯ
РЕДАКЦИЯ
МОДЕЛЬ СОБЫТИЙ

ЧТОБЫ ЖЕЛАННЯ
ИСПОЛНЯЛИСЬ,
ИХ НАДО ЖЕЛАТЬ!

Тринадцатая редакция

Ольга Лукас

**Тринадцатая редакция.
Модель событий**

«Автор»

2011

Лукас О.

Тринадцатая редакция. Модель событий / О. Лукас — «Автор»,
2011 — (Тринадцатая редакция)

Если весна в вашем городе или в отдельно взятой вашей душе всё никак не может наступить – оглянитесь по сторонам. Быть может, рядом находится тот человек, от которого всё зависит. А вдруг этот человек – вы? В этой истории сотрудникам «Тринадцатой редакции», помимо их основной священной обязанности – исполнять чужие желания, придётся избавить Санкт-Петербург от холодов. Остальные персонажи – и шемоборы, и носители желаний, и даже строгое верховное начальство – будут изо всех сил путаться у них под ногами, чтобы сделать процесс ещё более непредсказуемым и интересным.

© Лукас О., 2011

© Автор, 2011

Содержание

Несколькими неделями ранее	6
День первый	9
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Ольга Лукас

Тринадцатая редакция. Модель событий

Несколькими неделями ранее

Константин Петрович Рублёв всегда верил, что однажды у него появится ученик, и это будет несомненным признанием его опыта и мастерства. Долгое время дела обстояли так: все в команде уже успели кого-нибудь чему-нибудь научить. Ветераны Галина и Марина Гусевы учили Лёву, Шурика и Виталика всему, что должен знать и уметь начинающий мунг. Научили хорошо – так, что очень скоро уже Лёва учил Наташу, Шурик – Дениса, а Виталик – самого Константина Петровича, великого и ужасного заместителя шефа Тринадцатой редакции. Впрочем, на тот момент он ещё не был заместителем Даниила Юрьевича, не считал себя таким уж великим и не казался окружающим настолько ужасным. Сейчас в это сложно поверить, но были и такие удивительно прекрасные, светлые времена.

Заместителем самого идеального в мире начальника быть хорошо – кто бы с этим поспорил? – но всё это время Константин Петрович ощущал двойственность своего положения. Он находился где-то между старой гвардией и новичками, и его это уязвляло – он хотел определённости и ясности. И вот наконец-то ему повезло. Лучшего ученика, чем Маша Белогорская, и придумать было невозможно: старательная, скромная, верящая в авторитет учителя и талантливая ровно настолько, чтобы схватывать всё на лету, но при этом не перещеголять Константина Петровича в ближайшие двадцать лет.

Среди многочисленных схем, стратегий и планов экономического развития филиала в записной книжке коммерческого директора затесался план-стратегия развития отношений с Машей. Там всё было просчитано и прописано с точностью до двух дней: первое свидание, совместные обеды в «Восточном Эспрессо» и ужины с её матушкой Еленой Васильевной, поездка в Париж на три дня. После совместной романтической поездки можно будет, не слишком торопясь, но и не откладывая это удовольствие надолго, начинать подыскивать квартиру на двоих.

Константин Петрович думал, что Машино ученичество продлится – да сколько угодно оно могло продлиться, если честно. Когда учитель слишком требователен, а ученик почти совсем не верит в свои силы, то они не расстанутся никогда. Маша уже прекрасно умела держать защиту: то есть накрывать невидимым колпаком помещение, в котором ведутся разговоры, не предназначенные для чужих ушей. По правилам техники безопасности мунгам не следует открыто обсуждать всё то, что касается исполнения желаний. Худо-бедно установить защиту на пару минут для того, чтобы быстро сообщить товарищу особо секретную инфор-

мацию, может любой, даже самый бесталаннейший, мунг. Но вот оберегать тайны своей команды от шпионов и конкурентов в течение целого совещания, да ещё и самому участвовать в этом совещании наравне со всеми может только тот, кто обладает особым талантом. У Маши такой талант был. Константин Петрович планировал, что со временем они будут держать защиту по очереди, ведь дублёры не помешают никогда.

Потому что если дублёра по какой-то причине воспитать забыли, а старичок, лет восемьдесят державший защиту, взял и без предупреждения отправился на повышение – то есть умер во сне, не дожив до сто пятого юбилея всего-то три месяца, – то нужно срочно искать ему замену. В другой команде, в другом городе, даже в другой стране, но – быстро.

Старик Гийом – тот самый, что забыл воспитать ученика, – ещё не успел очнуться для новой жизни на второй ступени, а Кастор, начальник над всеми мунгами Пятого блока, уже почувствовал, что в целом на вверенной ему территории всё обстоит хорошо, вот только Париж защищать некому. Он мельком глянул в архивы осиротевшей команды и спокойно отметил, что да, по-другому просто и быть не могло, если дедуля, вероятно, из суеверных соображений никого из коллег даже близко к защите не подпускал.

Мунги располагают полной свободой действия, и эта свобода идёт им на пользу в девяти случаях из ста. Сейчас Кастор имел счастье расхлёбывать последствия того единственного уникального случая, когда свобода волеизъявления слегка выжившего из ума старика Гийома поставила под удар всю ячейку. Последние лет двадцать строптивый дед попросту боялся воспитывать ученика – ему так нравилась работа и сама жизнь, что он не хотел ничего в ней менять, поверил, что всё будет по слову его и ничего не изменится вовеки. Он потихоньку впадал в старческий маразм, но никто этого не замечал: держать защиту старик мог даже в глубокой коме.

Стремясь поскорее залатать прореху, Кастор мгновенно просканировал все подвластные ему мунговские команды и пришёл к выводу, что в питерском филиале у него, прямо скажем, достаточно специалистов, способных держать защиту: блистательный Константин Рублёв, весьма посредственный, но опытный Петров Виталик и восходящая звезда защиты Маша Белогорская. По правде сказать, Кастор уже занёс руку над Константином Петровичем, чтобы переместить эту фигуру на несколько клеток в сторону, потом ещё раз пристально глянул на питерский филиал и обнаружил, что восходящая звезда Белогорская не только изучала французский в спецшколе «с уклоном», но и вполне бодро читает на этом языке романы самого нежного содержания.

В тот день Константин Петрович пришёл на работу раньше всех: в его плане-стратегии развития отношений на обеденный перерыв (в кафе «Восточный Эспрессо», разумеется) был назначен важный разговор о совместной поездке в Париж. Но вместо совместной увеселитель-

ной поездки нарисовалась рабочая командировка. И Константина Петровича туда никто не звал. В Париж Маша поехала одна.

Эта старательная ученица, казалось, весьма охотно согласилась покинуть команду, полгода назад вытащившую её из печального и унылого существования в компании злоехидной матушки. В аэропорт её провожали все – Наташа плакала, Лёва давал советы бывалого путешественника, Шурик с Виталиком рассказывали несмешные анекдоты о Франции и французах, Денис изрекал прописные истины, Галина с Мариной рассуждали о том, как это здорово – попасть в другую команду и набраться дополнительного опыта, Даниил Юрьевич передавал последние поручения, а Константин Петрович просто стоял и смотрел на это безобразие, обратившее в руины все его планы и стратегии. Маша попрощалась с ним так же, как с остальными, – и улетела.

Старое здание аэропорта «Пулково-2» напоминает павильон станции метро. Может быть, там и вправду есть какое-то тайное метро? Из Парижа до Петербурга, без виз, пограничников и остановок? И на выходные Маша будет приезжать домой? А если она решит остаться там навсегда?

Она слишком быстро обучалась – быстрее, чем, например, сам Константин Петрович. Ухватила самую суть – и уже не нуждалась в нём. Хотя до его мастерства ей, конечно, было далеко. Всё дальше и дальше. Хорошо, что самолёт унёс её не в другое полушарие. Она обещала вернуться – как только воспитает достойную смену. Через полгода максимум.

Ох, Маша. Нередки случаи, когда бестолковые молодые мунги по несколько лет вникают во все премудрости работы с защитой. А тебе ведь ещё придётся искать этого ученика: никто другой не озаботится, никто не поможет; в той команде, которая скоро станет твоей, слишком долго даже простые разговоры о защите были под запретом.

День первый

Давным-давно, когда приёмную Тринадцатой редакции заново оштукатурили и выкрасили в приятный светло-жёлтый цвет, Галина и Марина Гусевы пообещали, что не позволят испортить эти прекрасные, свежие, нежные стены плакатами или календарями, будь они хоть самого прогрессивного содержания. Так поначалу и было: всё, что хотя бы приблизительно напоминало плакат, с негодованием изгонялось прочь. Но когда в команде появился Константин Петрович, работы у филиала прибавилось, Бойцы перестали следить за идеологической чистотой приёмной, и вот результат: теперь трудно найти даже небольшой свободный участок стены, чтобы повесить туда да пусть просто записку о том, что из Москвы прислали образцы новых книг, с которыми можно ознакомиться в кабинете шефа. Вот почему Наташа иногда забывает перевернуть страницу настенного календаря, и вся команда преспокойно проживает один и тот же месяц чуть ли не полгода кряду. В прошлом году особенно удался ноябрь – его не снимали до самого февраля, покуда Лёва не очухался и собственноручно не повесил новый календарь, украшенный портретами двенадцати самых продающихся авторов.

Виталик ворвался в приёмную в тот момент, когда там наконец-то наступил апрель. Наташа аккуратно вешала календарь на место и вежливо кивала Гумиру, поверявшему ей очередные тайны из жизни программного обеспечения своей мечты.

– Гениальный глюк! Просто гениальный! – захлёбываясь от восторга, твердил он, – Поражительная реакция на команду «поиск»!

– Какая? – вместо приветствия спросил Виталик, привычным движением зашвыривая свою куртку на самый дальний крючок.

– Конспирологическая! Закрываются все приложения, всё сворачивается, система себя реинсталлирует, и компьютер выключается.

– Ужас какой! – воскликнула Наташа – Это новый вирус?

– Да нет, я же говорю – глюк, гениальный глюк. Если всё переустановить и не пытаться что-то найти, то оно отлично работает. Даже жалко исправлять такое! Но надо! Сейчас ужин разогреется – и пойду прибыю это дело. – Гумир целеустремлённо направился в закуток, именуемый кухней. Режим его жизни всё больше и больше отличался от режима прочих сотрудников: в последнее время он спал с часу дня до семи вечера, когда до программиста, живущего в подвале, как правило, никому нет дела.

– Его опять раскритиковали на очередном тайном программёрском форуме, а он и рад! – доверительным шёпотом сообщила Виталику Наташа. – Не понимаю, чему он радуется. Его же ругают!

– Ну, всё-таки хоть какое-то человеческое общение, – ухмыльнулся Техник, – с живыми, опять-таки, людьми. Я бы посмотрел на тебя, если бы ты целыми днями сидела в четырёх стенах и пырилась в монитор.

– Эй-эй! – раздался из кухни голос Гумира. – Я всё слышу! Знаете стихотворение про маленького мальчика, которому мама в детстве выколола глазки, зато он нюхает и слышит хорошо? Так вот, и я такой же. А поскольку у меня сейчас насморк, то слышу я ещё лучше.

– Мы тоже слышим тебя, Каа! – отозвался Виталик, мельком взглянув на календарь. – Ну-ка, ну-ка, это ж какой у нас уже месяц на дворе? Апрель? А-бал-деть! А на улице снегу по щиколотку. По колено даже. Нет, я не вру! Я сегодня как-то умудрился выронить из кармана куртки ключ от квартиры... Ну и вот, пришлось просеивать два ближайших сугроба. А дворники у нас хорошие, старательные, сугробы соорудили высокие. Но ключ я потом нашёл. В кармане штанов.

– Ты когда-нибудь без приключений на работу приходил? – улыбнулась Наташа.

– Приходил когда-нибудь, – гордо ответил Виталик, – и потом ещё когда-нибудь приду. Но речь не об этом. Что ж это у нас получается, а? Зимы ждала-ждала природа, весны ждала-ждала природа, где порядок, почему природа не соблюдает собственные дедлайны?

– Может, она зависла? – предположил Гумир, незаметно вырастая у него за спиной с кастрюлькой какого-то варева. Разуверившись в своих «кормильцах» (главным из которых был как раз Виталик), он упросил Константина Петровича выдавать ему немного денег наличными на питание и уже вторую неделю поражал воображение коллег блюдами, изготовленными в микроволновой печи буквально из ничего.

– А может быть, всё дело в том, что некоторые ответственные сотрудники безответственно забывают переворачивать календарь? – предположил Виталик.

– Так я же не одна здесь бываю! А календарь, между прочим, две недели был завешен вот этим, – возмутилась Наташа, указывая на очередной плакат, печально лежащий на столе.

– «Не понедельник начинается в субботу, а пятница продолжается в воскресенье», – прочитал Гумир. – Свежо! У трудоголика весеннее обострение?

– Я всё слышу! – предостерегающе произнёс Константин Петрович, элегантно выбираясь из-за кофейного автомата. – А поскольку я всё слышу, всё вижу, и насморка у меня тоже нет, то Гумиру ставится на вид то, что в рабочее время он расхаживает по приёмной с едой, которая, между прочим, пахнет едой и отвлекает остальных от рабочих мыслей, а посетителей может просто даже оскорбить. Виталику заносится с предупреждением его очередное опоздание по неуважительной причине, а Наташе... я тоже что-нибудь придумаю за то, что она сняла со стены плакат, для которого я и так с трудом нашёл место. Быстро все за работу! Через полчаса у нас летучка!

– А что вы... там делали? – запинаясь, спросила Наташа, указывая на кофейный автомат.

– Продумывал стратегию развития, разумеется, – величественно ответил Константин Петрович и, прихватив поверженный плакат, удалился из приёмной.

На самом деле он действительно размышлял о том, какие ещё существуют способы выживания денег из вверенного ему проекта, но потом почему-то стал думать о Маше, как она там, в Париже, почему не звонила уже целую неделю, и сам не заметил, как заснул.

А когда проснулся – решил понаблюдать за сотрудниками из укрытия, чтобы было чем стращать их, когда беднягам придётся, позабыв про все свои нужды и стремления, вкалывать ради того, чтобы претворить в жизнь очередную разработанную им стратегию.

Лёва заявился на работу сразу после Константина Петровича – то есть гораздо раньше обычного. Дело в том, что по понедельникам маленький яростный пиарщик испытывал смутную тревогу, ближе к вечеру перерождавшуюся в ядовитую злобу. А всё из-за того, что традиционная летучка у шефа разрывала его день пополам: только вроде бы пришёл, сел за стол, включил компьютер, развернул все документы и взялся за работу, как уже пора летать. После летучки возвращаешься с кучей новых идей и заданий, которые не терпят проволочек, телефон разрывается, почтовый ящик переполнен, какой-то важный человек дважды звонил на мобильный, не дозвонился и навсегда разобиделся. К тому же половина рабочего дня уже позади – и как, спрашивается, навёрстывать незавершенные утренние дела, особенно если московское начальство только что на голове не прыгает: чем это ты весь день занимался, почему ничего до сих пор не сделано? Какая ещё летучка? Что ты там забыл? Твоё начальство – здесь, в Москве, в следующий раз все вопросы сюда, пожалуйста. Нет вопросов? Тогда надо работать, чтобы они появились. Словом, ужас, кошмар и сплошная нервотрёпка.

Но сегодня, покада остальные сотрудники Тринадцатой редакции ещё только просыпались в своих мягких, тёплых постельках, Лёва успел расправиться со всеми делами, намеченными на утро. Удивительно легко работается, когда день ещё только-только начался и впереди масса времени. Затувив в пепельнице очередную сигарету (курение в рабочих кабинетах конечно же воспрещается строго, но если доказать Константину Петровичу, что оно повышает трудоспособность, то можно и покурить), Лёва обнаружил, что пачка почти опустела, а новую он то ли дома на столе оставил, то ли вообще забыл купить. С утра был такой неприятный снегопад – как будто не апрель на улице, а самый что ни на есть январь. Причём – поразительное дело – в середине марта уже почки на деревьях стали распускаться, лёд на Неве закрипел и начал стремительно таять, и вдруг – бац, и снова морозы. Размышляя над климатическими метаморфозами, Лёва шустро натянул куртку и уличную обувь и бегом отправился к ближайшему ларьку.

– Эй, ты куда, летучка же скоро! – крикнула ему вслед Наташа.

– Успею, – бодро махнул рукой Лёва, даже не останавливаясь.

От дверей особняка Тринадцатой редакции до возделенного источника курева было семь минут туда и обратно, так что Разведчик особо не спешил. На обратном пути он даже решил немного прогуляться: вместо того чтобы свернуть в подворотню и привычно срезать путь, пошёл по улице, хотя погода, прямо скажем, к прогулкам не располагала. Давненько он тут не бывал: за это время на углу успели открыть бистро. До летучки оставалось ещё около получаса, а если учесть, что Виталиковой куртки на вешалке видно не было, то вполне может статься, что и все сорок минут.

Без особого интереса Лёва зашел в бистро и лениво огляделся по сторонам. Интересно, что все эти люди делают здесь в рабочее время? Наверное, у них нет ненормального московского начальства, уверенного в том, что стоит оставить подчинённого в покое хотя бы на пять минут, как он тут же примется отлынивать от работы всеми доступными ему способами. Вот же счастливики! Лёва ещё раз взглянул на публику. Люди как люди. Кто-то болтал, кто-то делал заказ, кто-то доедал бизнес-ланч: скучно, неинтересно, – и всё-таки было в этом помещении что-то необыкновенное. Лёва прошел насквозь зал для курящих, и тут-то его чувствительное ухо подало сигнал о том, что где-то поблизости затаился носитель желания. Лёва набрал в лёгкие побольше воздуха, зажмурился и шагнул в зал для некурящих. В таких помещениях он старался не бывать: казалось, что сейчас его вычислят и выставят за пределы этой резервации. Ну, допустим, в данный момент он не курит. А если по карманам пошарить? Улики, одна другой страшнее, так и посыпятся: две зажигалки, полупустая пачка сигарет и две полных, свежкупленных, а где-то ещё и спички должны быть. Не хватает только портативной пепельницы, подаренной ему на прошлый день рождения сёстрами Гусевыми.

Однако довольно скоро Лёва и думать забыл о своём смешном опасении быть разоблачённым некурящими, потому что жжение в мочке уха усиливалось, вело его за собой, тащило, пока он наконец не достиг самого дальнего столика, за которым сидел невысокий, пухлый, румяный человек и неторопливо расправлялся с куриной ножкой.

- Вы тоже меня сразу узнали? – приветливо и чуть снисходительно спросил он у Лёвы.
- Ага, – выдавил из себя тот.

Случилось не самое приятное: носитель заметил его интерес и теперь будет смотреть в оба и датчик просто так прицепить не позволит. Если, конечно, не подсесть к нему и не завести какой-нибудь разговор. Ох, светские разговоры неизвестно с кем – это не самая лучшая идея, когда ухо так и жжёт! Но человек, кажется, сам был готов вести такие разговоры: оставалось только терпеть, поддакивать и ждать удобного случая.

– Просто ни шагу нельзя сделать, – пожаловался он, – уже лет двадцать прошло, а меня до сих пор узнают.

– Ну... – неопределённо улыбнулся Лёва, словно стесняясь своей назойливости.

– Садитесь, что уж с вами делать, – криво улыбнулся собеседник, указывая на свободное место напротив.

Лёва покорно присел. Со временем он научился укрощать – нет, не боль, но своё отношение к боли. «Это же на самом деле не нарыв, не ожог, не огнестрельная рана и не укус ядовитой змеи, – всякий раз мысленно успокаивал он себя, – это просто нервное. Скоро пройдёт. И следов никаких не останется! И лечиться не придётся».

Тем временем человек отодвинул тарелку в сторону и, выдерживая сценические паузы и интонируя там, где это необходимо, произнёс:

– Здравствуйте, товарищи. Это блюдо мне чрезвычайно понравилось. Я бы хотел повторить. Если вы, товарищи, считаете, что приготовить курицу так, что пальчики оближешь, способен каждый, то вы просто не пробовали этой сказочной курицы!

У двух пожилых дам, сидевших за соседним столиком, в глазах мелькнуло узнавание, на лицах написались умиление, на устах заиграли улыбки: это импровизированное выступление им явно о чём-то напомнило.

– Что-то знакомое, – щёлкнул пальцами Лёва и глубоко вздохнул: боль его вышла на новый уровень. Теперь ухо словно пытались измельчить в крошечном блендере.

– А, так вы меня узнали, но не узнали, почему узнали! – обрадовался его собеседник. – Я же тот самый мальчик, который говорил басом.

– Ну конечно, – уверенно кивнул Лёва.

– Вот так проходит слава мирская, да. – Проницательный его собеседник сразу уловил чрезмерную демонстративность этого кивка. – Двадцать лет назад меня только и делали, что показывали по телевизору, а я исправно басил всё, что было необходимо. А потом я вырос, и оказалось, что ничего особенного во мне и нет. Все взрослые дядьки умеют говорить басом.

– А, точно! – наконец-то по-настоящему вспомнил Лёва. – У нас во дворе все вам завидовали. Но однажды мой папа услышал, как мы по очереди пытаемся вашим голосом сказать «Здравствуйте, товарищи!», и отругал нас за то, что мы верим во всякую антинаучную чепуху.

Сказал, что за того мальчика из телевизора говорит какой-то дядя, ну, как за Хрюшу и Степашку говорят актёры. И что нам бы лучше делать уроки, и тогда, может быть, мы прославимся, когда вырастем большими.

– И вы, конечно, послушно шли делать уроки? – усмехнулся мальчик, который говорил басом.

– Я не шёл. Я ходил лёгкой атлетикой заниматься, потому что на борьбу меня не брали – говорили, маленький очень, трудно найти противников в одном со мной весе.

Лёва сам не понимал, почему он рассказывает об этом первому встречному – да ещё и носителю! Но было в нём что-то располагающее к откровенности – совсем как в Шурике, когда тот напяливает маску Попутчика и начинает внимательно слушать очередного клиента.

– Атлетика... – мечтательно закатил глаза носитель. – Здорово, наверное. Я ни в какие кружки не ходил. Куда бы я ни пошёл – везде меня узнавали, занятия останавливались. Даже в школе я иногда срывал уроки просто самим фактом своего присутствия, пока меня в специальную школу не перевели.

– В школу для знаменитостей? – уточнил Лёва.

– Для детей не самых обычных родителей, – уклончиво ответил носитель. – Тамошний народ видел и не таких, как я. А меня до сих пор узнают.

– А вам это нравится, похоже.

– Нравится? Нет, не нравится. Но и не трогает уже давно. Если бы нравилось – разве бы я сидел здесь, в углу, в зале для некурящих? Занял бы лучшее место во-он там, видите, у окна – когда я пришел, там было ещё свободно, – и смолил бы в своё удовольствие. Вы, наверное, не курите, вам не понять, как неловко бывает, когда...

– Я не курю? – возмутился Лёва, вытаскивая из карманов весь свой курительный арсенал. – Ещё как курю. Просто там места не осталось совсем.

– Ой, какая этикетка интересная, выпуклая, – вдруг оживился его собеседник. – Я собираю спичечные коробки уже много лет, но такого чуда ещё никогда не видел.

– Это мне в одном клубе подарили на презентации.

– Слушайте, а переподарите этот коробок мне? – заискивающе улыбнулся мальчик, который когда-то говорил басом. Сейчас он был особенно похож на ребёнка: Лёва даже вспомнил одну музыкальную передачу, в которой этот мальчик совершенно самостоятельно объявлял номера, непринуждённо шутил с взрослыми артистами и прекрасно держал зал.

– Сейчас, только одну спичку себе на память оставлю, – засуетился Разведчик. Датчик уже был у него в рукаве: положить его в коробок будет очень просто.

– Да спички мне и не нужны, мне нужен сам коробок, – заулыбался носитель. – Всё-таки как полезно быть знаменитостью! То коробки спичечные дарят, то бесплатно обедами кормят. Вам ведь правда не нужна эта вещь, я ведь её у вас не выпросил, верно, вы мне её сами отдали?

– Конечно сам. И с огромным удовольствием! – с облегчением выдохнул Лёва, сгребая со стола сигареты и зажигалки и распахивая их по карманам. – Вы извините, мне теперь нужно идти, я на работе уже должен быть.

– Надо же, я и не знал, что это в принципе технически возможно! – не слушая его, ворковал носитель, нежно поглаживая указательным пальцем левой руки спичечный коробок, начинённый датчиком.

Лёва выскочил на улицу; боль исчезла, будто её и не было, зато снег пошёл опять, но хотя бы утих ветер, и можно было закурить, забыть о пережитом, расслабиться. Теперь, даже если он немного опоздает на летучку, никто не придерётся: работа сделана, сделана чисто, носитель ничего не заподозрил и сам, своими руками, взял контакт.

Если другим сотрудникам Тринадцатой редакции всегда приходится выслушивать нотации Константина Петровича на предмет того, что отлучаться с работы можно только по пред-

варительной договорённости со всеми коллегами, с письменного разрешения шефа и так далее, то Лёве его внезапные исчезновения сходят с рук. И даже не потому, что господин коммерческий директор побаивается пудовых кулаков Разведчика: да, он их побаивается, – но, когда дело касается нарушения трудовой дисциплины, он становится бесстрашен и непоколебим. Просто Лёва, как всем доподлинно известно, находится в некоторой мистической зависимости от носителей: если ухо предупреждает его о том, что клиент рядом, то ноги ещё задолго до этого приносят в нужный квадрат. Получается, что он вроде как не по своей воле сбегает с работы, а бредёт себе потихонечку на зов очередного бедолаги, попавшего в сети своего иссушающего душу желания. Даже Наташа не может понять, как это у Лёвы получается. Сама она никогда заранее не чувствует, что ей предстоит встреча с носителем, и каждый раз пугается своей странной реакцией: капризного раздражения, переходящего в тупую злобу.

Словом, когда сотрудники Тринадцатой редакции собрались на летучку и обнаружили, что Лёва исчез, не сказав куда и зачем, никто особенно не удивился. Мобильный телефон стремительный Разведчик, разумеется, оставил на своём рабочем столе, и бедный аппарат напрасно надрывался, раз за разом повторяя закольцованный фрагмент из популярной баллады группы Metallica.

«Ждём пятнадцать минут – и начинаем. Посмотрите, чем мы будем торговать», – объявил Даниил Юрьевич и исчез, оставив всю компанию в своём кабинете, наедине со свеженькими сигнальными экземплярами будущих бестселлеров.

Пока Константин Петрович и сёстры Гусевы – крошечные интеллигентные старушки Галина и Марина, до зубов вооружённые колющими, режущими и прочими убивающими предметами, – обсуждали очередной спущенный из Москвы план, остальная компания и в самом деле потянулась к книгам.

– Ничего выдающегося, – констатировал Денис, едва взглянув на них, – очередные личные записки, замаскированные под вымышленные истории. Почему-то многие писатели любят писать о себе. А мне как читателю это надоело. Пусть пишут обо мне!

– А ты возьми и сам о себе напиши, – предложила Наташа.

– Мне нечего сказать человечеству и нечем его заинтересовать.

– Не знаю. Йозеф Бржижковский, к примеру, часто пишет о себе – а мне нравится, – вмешался Виталик.

– Ты фанат, тебе от него что угодно понравится, – парировал Шурик.

– Ну не на пустом же месте я стал фанатом, правильно? Но знаете, он пишет о себе довольно жёстко, правдиво, часто очень смешно. Я бы не хотел, чтоб точно так же он писал обо мне. Спасибо, мне хватило личного общения!

– Тогда, кажется, картина проясняется, – с интонациями опытного лектора сказал Шурик. – Читатель, представленный в этой комнате, хочет, чтобы писатель смеялся над собой, писателем, а восхищался им, читателем. И тогда все будут довольны.

– Я вовсе не предлагал считать мои читательские требования эталонными, – запротестовал Денис.

– Не волнуйся, – успокоил его Виталик, – посчитали не только тебя, но и меня. А я совсем не против того, чтобы меня записали в совершенные единицы измерения, всё равно чего.

– Единицы измерения необязательности, например, – предложил Денис.

Виталик изобразил на лице задумчивость: вроде бы его тут хотят обидеть, и надо на это как-то отреагировать. Но мало ли, чего «они» хотят, он и не подумает обижаться, не подписывался он исполнять такие глупые желания.

– Вот вы ещё поссорьтесь! – Шурик моментально вклинился между Денисом и Виталиком. – Смотрите лучше, какая книга интересная. Состоит из одних цитат. Так разве можно?

– Не только можно, но и модно! – тоном эксперта ответил Денис. – Сейчас в моде искусство коллажа. Поскольку ничего нового придумать уже невозможно, то авторам приходится как-то выкручиваться. Отрезал тут – приделал там. Выдал за своё.

– Так вот чем занимается одна моя подруга! – обрадовалась Наташа. – Она покупает на рынке три разноцветные футболки, самые дешёвые, без картинок. Разрезает их на три части. А потом сшивает вручную, толстыми цветными нитками. И продаёт потом в Интернете в десять раз дороже. Хотя на выходе получаются те же самые три футболки, только немного в другом порядке. Но бизнес её процветает.

– Слушай, а я бы не отказался от такой футболки! А с цветами ямайского флага у неё есть? – тут же заинтересовался Шурик, – А она их вдоль или поперёк разрезает?

– Забудьте о футболках – не сезон пока, – перебил его Виталик, размахивая следующей книгой. – Лучше скажите: кто-нибудь из вас слышал, чтобы в реальной жизни один человек говорил другому: «Катись-ка ты ко всем чертям»? Вас, например, когда-нибудь посылали к ним катиться?

– Вроде нет, – немного подумав, ответил Шурик. Наташа и Денис в ответ только молча помотали головами.

– Меня тоже. И в этом наше счастье. А то представляете, каково это: собрались все черти, их вдруг кто-то оторвал от важного дела: обжарки убийц до золотистой корочки, пассерования растлителей, тушения воров в соусе из клятвопреступников и так далее. Они недовольны, крутят головами, требуют объяснения. А никто ничего объяснить не может, черти только прибывают. Вы помните условие: нам нужны абсолютно все черти, иначе проклятие не подействует. И тут один самый глазастый чёрт видит: из приёмного окна – ну, вроде как на почте бывают – выкатывается такое нечто. «Ты кто? Тебе чего здесь надо?» – спрашивает самый глазастый чёрт. «Да вот. Мне сказали, чтобы я к вам катился!» – «Знаешь, что? – свирепеют остальные черти. – Катись-ка ты обратно. Не торопись только особо, по дороге можешь прошвырнуться по всем кругам ада».

– Звучит очень зло и цинично, – заметила Наташа.

– А это тоже модно, – огрызнулся Виталик, – общество перепотребления обожает циничных авторов.

– К сожалению, – согласился Шурик, – даже слишком. Таких, которые – раз, раз – попирают всё доброе и светлое. Вам сказали, что надо надеяться на хорошее? Ни фиги! Они обманули вас! Давайте, ломайте свою жизнь поскорее, вам нечего больше терять. Унывайте, это же так круто! Считается, что если циничный – то умный. Жизнь его била-била – не разбила. Мир его ловил-ловил – да не поймал. Почему же побитость жизнью приравнивают к жизненной мудрости? Кто-то когда-то обжёгся на молоке и дует теперь на воду. Демонстративно дует, чтобы никто не подумал, будто он может ещё раз попробовать это молоко! А молоко давно остыло, из него, может быть, уже кефир сделали, сыр, творог. Едят и нахваляют. А циничный наш даже и не смотрит в его сторону. На что ему сдался этот сыр?

– Да нет, всё правильно, – неожиданно резюмировал Виталик. – Пусть будет много таких авторов. Народу-то на земле ещё больше. Сыра на всех не хватит. Я, например, не готов ни с кем делиться своим честно заработанным сыром. Каррр!

– Ой, продолжение вышло! – взвизгнула Наташа, выживая из-под юбилейной пятидесятой допечатки «Оздоровления с помощью табака и алкоголя» толстенький том с драконами и магами на обложке. Она раскрыла книгу на середине, прижала к груди, полистала и не смогла сдержаться – начала читать вслух: – «И тогда он поклялся страшной клятвой, что вернётся сюда, на это же самое место, через триста лет и три дня и возложит корону на голову потомка Светлой династии». Вау!!! Он всё-таки нашёлся!

– Кто бы сомневался, иначе бы не было интриги. А вот интересно, чем страшная клятва, которой на этот раз поклялся Седой Колдун, отличается от просто клятвы, которой он клялся в предыдущей книге? – проявил неслыханное знание предмета Шурик. – Когда он страшно клянётся, он что – страшными ногами топчет, страшными зубами скрипит?

– А чего он клянётся-то всё время? Захотел возложить корону – возлагай! Через триста лет даже свидетелей твоей клятвы не останется, – вмешался Виталик.

– Это чтобы не забыть, – предположил Денис. – Ежедневника-то у него не было. А если поклянёшься, тем более страшно поклянёшься, то наверняка не забудешь.

– Ну да. А если и забудешь – то люди легенды об этом сложат, напомним, – согласился Виталик. – Чем страшнее клятва – тем больше легенд. Надо вообще всех вокруг запугать своей клятвой, только так, чтобы они от страха дар речи не потеряли, – и тогда можно быть спокойным. Слушайте, как вы думаете, если я страшно поклянусь никогда больше не опаздывать на работу, это мне поможет?

– Это ему поможет, – шёпотом сказала Наташа, указывая глазами на Константина Петровича. – Он тогда тебя будет в два раза больше ругать: за то, что опоздал, и за то, что нарушил страшную клятву.

– Я всё слышу! – обиженно отозвался Цианид, моментально оказываясь рядом. – Прекратите сочинять обо мне мифы и легенды, я же не самодур, в самом деле. Кстати, объявленные шефом пятнадцать минут прошли, а Лёвы всё нет. Придётся его всё-таки подвергнуть административным санкциям.

– Конечно же ты не самодур, нет, что ты, – преувеличенно эмоционально всплеснул руками Даниил Юрьевич, появляясь за спиной у спорщиков. В последнее время он окончательно потерял бдительность: сквозь стены ходил, неожиданно исчезал и появлялся, даже облик иной раз менял – и всё это на глазах у сотрудников.

Считается, что живым – даже если они всё знают и понимают – не стоит лишний раз лицеизреть такие трюки, ради их же блага. Но шеф Тринадцатой редакции уверен, что иной раз лучше свалиться буквально на головы подчинённым, чем позволять им тратить жизнь на бесконечные и утомительные споры о трудовой дисциплине.

Мунги с удивлением взглянули друг на друга: мол, что это мы, в самом деле, заняться нам, что ли, нечем? – и стали неторопливо рассаживаться вокруг заваленного книгами стола.

– А раз ты не самодур, то позволь узнать, чем вызвана эта элегическая печаль, неуместная на столь волевом и лаконичном лице? – миролюбиво продолжал шеф.

– Да всё нормально, – мотнул головой Константин Петрович, но лицо своё на всякий случай ощупал, – просто я хотел одну организацию развести на безвозмездную помощь. Хорошее же дело – культуру в нашем лице поддержать, я так считаю. А там один такой тип работает, ушлый, изворотливый, типичный проходимец, Иваном Андреичем зовут. Так вот, он с какой-то стати вздумал разводить на безвозмездную помощь нас!

– Нашла коса на камень, – хихикнула Галина Гусева. – Так что, неужели он тебя перехитрил?

– Куда ему! – отмахнулся Цианид. Видно было, что он уже жалеет о том, что начал этот разговор.

– То есть, всё-таки ты его поборол? – не отступалась старуха.

– Если бы.

– Стоп, а чем дело-то кончилось? – заинтересовался шеф.

– Чем-чем? Честным и благородным взаимовыгодным сотрудничеством, – разочарованно махнул рукой Константин Петрович.

– Так это вроде... Ну, хорошо же? Все же от этого выиграли, разве нет? – удивлённо произнёс Даниил Юрьевич.

– Организации-то выиграли. А вот мы с Иваном Андреичем – проиграли.

– Это называется гордыня, дорогой товарищ! – заявил Виталик.

– Это, товарищ дорогой, называется профессионализм! – отрезал Цианид. – Когда я упускаю выгоду, мне становится так стыдно, будто я совершил какое-то преступление. Деньги ведь были уже практически у меня, у нас в руках. Если бы не этот проныра Иван Андреевич... Что за человек – без мыла в задницу влезет!

– И где он после этого окажется? – с интересом спросил Виталик.

– Э-э-э? – строго посмотрел на него коммерческий директор.

– Ну, после того, как влезет?

– Ммм... – Константин Петрович свёл глаза к переносице и последовательно представил себе весь процесс. – В заднице?

– Ага, – довольно кивнул Виталик. – И что, это реально такое клёвое место, в котором всем обязательно надо быть, что ты ему завидуешь?

– Завидуй, завидуй, всем завидуй! – в кабинет бодро вошёл Лёва и, отвесив Виталику комический поклон, положил перед ним конвертик с контактом. – Ты нужен мне для дела. Вот этого. Срочно.

– Да, сэр, есть, сэр, – отвечал Техник, не двигаясь с места. – Мне бежать прямо щас или всё же предварительно стереть пыль с ваших ботфортов своим носовым платком?

– Всем стоять, никуда никому не бежать, – раздался знакомый голос, – Лёва, ты тоже сядь.

Нет, ну это уже чересчур для одного дня. Сначала начальник, любимый, дорогой, единственный и всемерно уважаемый, исчезает и появляется на глазах у всего коллектива, словно какой-то Дэвид Копперфильд, а потом вдруг ни с того ни с сего за столом обнаруживается ещё и Кастор. Который не просто появился из ниоткуда, но ещё и обставил всё так, будто он сидел тут с самого начала, просто его никто не заметил. Кстати, кто его знает, может быть, сидел и наблюдал. В такие моменты всем мунгам – даже бедовым сёстрам Гусевым, даже безупречному Денису – становилось немного стыдно за какие-то свои мысли, действия, чувства, недостойные или же просто мелкие. Ведь Кастор – если потребуется – способен видеть не только эти мысли, не только чувства, но и причины, их породившие. А ну как он однажды не выдержит и скажет: «Константин Рублёв, вон из класса!»

– Константин Рублёв, оставайся в классе, защиту я сделал уже, – усмехнулся Кастор, подошёл к окну, поднырнул под жалюзи, поглядел, что за ними скрывается, убедился, что ничего предосудительного, и продолжал:

– К остальным тоже никаких претензий, успокойтесь. Какие вы всё-таки впечатлительные – смех, да и только. Неужели я когда-то был таким же?

– Ещё и не таким, – вступился за свою команду Даниил Юрьевич.

– Что ж, предоставим слово «Мистеру Невозмутимость-1918»! – Кастор сделал приглашающий жест в сторону шефа Тринадцатой редакции. – Сердечный приступ, унёсший жизнь верного мужа и добродетельного отца, прервал славный путь... И так далее. А теперь к делу, люди мои. Все знают, что вы – самые лучшие работники на этом континенте.

Услышав такую похвалу, «люди» приуныли: они уже сталкивались с такими шуточками. Если Кастор кого-то хвалит, да ещё и не за дело, а просто так, по совокупности заслуг, значит, жди либо выволочки, либо задания повышенной сложности.

– Да чего вы так перепугались-то? – игриво спросил этот страшный человек. – Я всего-навсего хочу открыть вам тайну, которую вам знать не положено. А вы взамен можете решить одну небольшую проблему – и мы квиты. Ну, кто хочет узнать тайну? Кому не интересно – те могут пока посидеть в приёмной.

Любопытных людей среди сотрудников Тринадцатой редакции оказалось больше, чем осмотрительных. Денис и Константин Петрович грустно и понимающе переглянулись, но остались сидеть на своих местах, потому что покинуть команду в такой момент было глупо: всё равно «небольшую проблему» придётся решать всем вместе.

– Я никогда в вас и не сомневался, – удовлетворённо кивнул Кастор. – Слушайте, да что вы сидите, как на приёме у генерал-губернатора? Расслабьтесь, можете походить по комнате. Всем, кому мои слова покажутся преувеличением или шуткой, я даже рекомендую встать с места, подойти вот к этому окну и убедиться самостоятельно в том, что...

– ...что к нам прилетели зелёные инопланетные слизи, – шепнул Виталик на ухо Шурику. Вернее, думал, что шепнёт, но в наступившей тишине его голос прозвучал слишком громко. Когда шутишь в обществе мунгов второй ступени и выше, убедись сначала, что они оценят твои шутки.

– Сейчас все поаплодируют, и я продолжу, – плотоядно улыбнулся Кастор. – А? Никто не хочет аплодировать? Жалость-то какая! А по-моему, очень смешно. Разве нет?

– Ну всё, извините, я заткнулся, и дальше тоже буду молчать, – жалобно пискнул Виталик, вытягивая голову в плечи.

– Так вот, люди мои, все вы, наверное, обратили внимание на погоду за окном. А также на какую-то внутреннюю сонливость и вялость. А ну-ка быстро колитесь: обратили внимание или нет?

Мунги в ужасе посмотрели друг на друга: с этой проблемой каждый из них пытался справиться в одиночку, не раскисая при всех и поражая излишне демонстративной бодростью наблюдательного Даниила Юрьевича.

– Причём навалился на вас этот груз сейчас, в апреле, а в марте – помните, да? – всё было куда как радужнее, – уже чуть менее суровым тоном уточнил Кастор.

– Это мы своим унынием всю погоду испортили? – схватился за голову Шурик.

– Это из-за календаря, который я забыла перевернуть? – высказала свои тайные опасения Наташа.

– Так-так, хорошо, – потирал руки Кастор. – Кто ещё готов взять на себя ответственность? Не вижу энтузиазма. Что, всё? Больше нет версий? Слабовато. Тогда слушайте тайну, которую вам не положено знать. У нелюбопытных есть последний шанс выйти вон. Раз. Два. Три. Всё, вы попали, друзья мои. Ну, начнём с того, что в мире существует немало секретных организаций, вроде нас и наших закадычных врагов шемоборов. О некоторых даже я не знаю, а уж вы – и подавно. Об одной из них я вам сейчас расскажу. Слушайте внимательно, переспрашивать нельзя, записывать строго запрещается, обсуждать это друг с другом после моего ухода – тем более.

– А как же мы тогда будем разрабатывать стратегию? – осторожно поинтересовался Константин Петрович.

– Делайте вид, что обсуждаете своих носителей. И ставьте защиту. А теперь попробуйте на некоторое время обратиться в слух и не перебивать меня хотя бы минуту. Итак, организация, которой вы должны помочь, помимо всего прочего, каждый год назначает Модель Событий. С помощью системы случайных чисел, принцип действия которой нас мало волнует, они произвольно выбирают на Земле человека, который целый год будет этой самой Моделью Событий. Его здоровье, настроение и жизненные обстоятельства станут уменьшенной моделью того, что происходит со всеми жителями планеты. Ну, скажем, если Модель Событий – дряхлый старик, миллионер, то с большой долей вероятности весь год будет умеренно пасмурно, дождливо и безрадостно, но зато никаких серьёзных потрясений и конфликтов не случится.

– А если он умрёт? – тихо спросила Наташа. – То мы все тоже умрём?

– Ещё чего! Если умрёт – ему тут же подыщут замену. А вот если бедняга тяжело заболеет или впадёт в маразм – тут уж всем не поздоровится. Чума, холера и прочие радости покажутся просто жалким насморком.

– Ужас какой, – снова не удержалась Наташа, – Но если всё это так случайно, то мы в любой момент можем...

– Ну да, такая возможность есть. Впрочем, сейчас речь не об этом. Ребятам, которые приглядывают за системой случайных чисел, нельзя вмешиваться в ситуацию, да они и не имеют таких возможностей, тут только первая ступень способна что-то сделать, а у них нет ни одного сотрудника ниже третьей. Однако им не запрещено влиять на ситуацию исподволь. Например, находить каких-нибудь исполнителей на стороне, ну вроде вас, и аккуратно направлять их в нужную сторону. Обычно исполнитель понятия не имеет о том, что он, ни больше ни меньше, стоит на страже мира и спокойствия. Но с вами – другая история. К сожалению, для того чтобы вы начали работать в полную силу, перед вами приходится раскрыть все карты. Ну вот, я их почти и раскрыл перед вами. Модель Событий этого года живёт в Санкт-Петербурге. Это девушка, вполне обеспеченная и, кажется, не особенно подверженная заболеваниям. Но она холодна и непреклонна – и столь же холодна и непреклонна теперь наша погода. К тому же нынешняя Модель Событий прогнала своего возлюбленного, впала в анабиоз и ведёт исключительно энергосберегающий образ жизни, что неминуемо отражается на всём человечестве.

– Хорошая модель для подражания нам досталась! – не удержался Шурик. – Она, видимо, прогнала его совсем недавно. Погода-то буквально на днях испортилась.

– Она совсем недавно стала Моделью Событий, – пояснил Кастор. – Если совсем точно – первого апреля. Так, не вижу улыбок на ваших обаятельных физиономиях. Здорово я вас запугал, ай да я. Да нет, улыбаться можно, расслабьтесь, тайна всё равно раскрыта, терять вам уже нечего.

– А это всегда первого апреля случается или только нам так сказочно повезло? – храбро поинтересовалась Марина Гусева.

– Это всем так сказочно везёт. Думаете, чудесные традиции, связанные с первоапрельскими шутками и дуракавалянием, возникли на пустом месте? Нет, конечно. Это было придумано и внедрено нарочно, чтобы особо наблюдательные граждане списывали все несоответствия и несуразицы на День дурака.

– Но ведь многие серьёзные деловые люди не обращают на этот дурацкий праздник никакого внимания! – не удержался Константин Петрович.

– При этом они отдают себе отчёт в том, что балбесы-окружающие надуют их вне зависимости от этого, – сказал Кастор.

– Странно, что эта смена караула не привязана к восточному календарю. Или хотя бы к празднованию Нового года, – задумчиво проговорил Денис.

– Э, нет. В эти дни и так происходит достаточно, незачем их нагружать ещё и сменой Модели Событий, – остановил его Кастор. – Кстати, вам не нужно проводить мозговой штурм на тему: «Что было бы, если бы системой случайных чисел заведовал я». От вас в данной ситуации требуется немного: сделать так, чтобы погода на улице соответствовала календарной и чтобы всеобщая вялость сменилась чем-нибудь более осмысленным. Координаты Вероники – так зовут нашу Модель – я положу вот сюда, на стол Даниила Юрьевича. По сути – обычный датчик, разницы никакой. И работайте, пожалуйста, так, как вы работаете с носителями желаний: старательно, но без фанатизма.

– А можно узнать, как выглядит эта Вероника? – спросил Лёва.

– Ну вот так примерно, – Кастор замер и медленно начал менять очертания: казалось, что в кабинет Даниила Юрьевича заглянула жизнерадостная юная галлюцинация, слабо представляющая, кем она хочет стать, когда вырастет. Наконец Кастор перестал клубиться, и вот уже на его месте стоит высокая статная блондинка: нос задран к потолку, руки скрещены на груди, на губах ехидная улыбочка. То ли только что убила какого-то несчастного одним взглядом, то ли собирается это сделать с минуты на минуту.

– Ты откуда здесь такая взялась, а? – тут же вскочила на ноги Галина Гусева, но вместо суровой незнакомки перед ней уже вновь стоял улыбающийся Кастор.

– Словом, вот такой тяжелый случай, – развёл руками он.

Галина Гусева молча осыпалась на своё место.

– Прямо Супермодель Событий! – восхищённо протянул Виталик, позабывший о том, что он обещал молчать. – Получается, что вы можете как угодно выглядеть?

– Я и выгляжу как угодно, – коротко ответил Кастор. – Как мне угодно.

– Да, но почему именно так? – Техник, казалось, не замечает, что этот разговор не слишком приятен его собеседнику. – Вы могли бы выбрать какую-нибудь другую внешность.

– Мог бы. Но когда ты невысокий такой, упитанный недотёпа, который вечно улыбается, окружающие к тебе относятся несерьёзно. И даже забывают о субординации.

– Разве это хорошо? – вмешался Константин Петрович (он считал, что забывать о субординации – возмутительно).

– Это плохо только в одном случае – если ты действительно недотёпа. А во всех остальных – вполне приемлемая маскировка. Тебя не принимают всерьёз, перед тобой не притворяются – и это очень удобно, экономит массу сил.

– А какой вы на самом деле? – злостно продолжал нарушать субординацию Виталик.

– На самом деле? На самом деле я давно мёртвый. Зрелище так себе. Есть желающие взглянуть?

– Спасибо, мы имеем кое-какое представление, – за всех ответила Марина Гусева, – особо любопытным можем показать. Наглядно. На материале заказчика.

– А почему же тогда Трофим Парфёнович выглядит так... устрашающе? – не отступался Виталик. – Ведь он тоже мог бы...

– У него другие функции – вы должны его бояться и не доставать дурацкими вопросами, как меня. И потом – разве он выглядит устрашающе? Довольно роскошный старец получился, по-моему. Но я передам ему твои слова, непременно передам.

– Да это вовсе не обязательно, я так, комплимент хотел сделать, просто неудачно получилось, – струхнул Виталик. – У меня остался ещё один дурацкий вопрос – и всё. Это вообще сложно – менять себя на глазах у всех?

– Сложно поддерживать хоть какой-то облик. Поначалу. Ты такой, каким ты себя представляешь. Если воображение богатое, представишь как положено – и будешь меняться, расти, стареть вместе со своей выдуманной оболочкой. А если воображение слабое или тебе наплевать на то, как ты выглядишь, можешь недосчитаться руки, ноги или ушей – ну, забыл просто о них, бывает. А когда привыкаешь казаться хоть кем-то, то дальше можешь притворяться кем угодно. Если будешь задавать так много вопросов не по существу, то сможешь овладеть этой техникой гораздо раньше, чем планируешь. На этом я, увы, буду вынужден покинуть вас, мои любознательные друзья.

Сказавши это, Кастор неожиданно превратился в Виталика и тут же лопнул, как воздушный шар, разлетелся на тысячу лоскутков, которые через мгновение растаяли в воздухе, не достигнув пола.

– Красивый салют, – протянула Галина Гусева, – надо бы разузнать методику его изготовления.

– Не надо, – тряхнул головой Виталик.

– Ты хоть понял, что был на волосок от гибели? – строго спросил у него Константин Петрович.

– Наверное, был, – беспечно ответил Техник и почесал в затылке, – но волосков в моей замечательной шевелюре ещё много, так что, думаю, шансов уцелеть у меня будет побольше, чем у вас.

Вероника была натуральной блондинкой. Такой, знаете, светло-светло-русой красавицей, гордо шагающей по улицам, как бы с вызовом: мол, да, я блондинка и горжусь этим. На самом деле никакого вызова Вероника никому бросать не собиралась. Но, глядя на её узкие солнечные очки с антибликовым, антистрессовым, антирадарным, антиударным и ещё антикаким-то покрытием (из лучшего в городе салона, разумеется), на чуть иронично поджатые губы, на гордо вздёрнутый нос, каждый второй мужчина ставил поспешный диагноз: «Стерва, и не лечится». На самом деле Вероника вовсе не была стервой. Временами она могла продемонстрировать характер, но исключительно в рамках приличия и строго по делу, а общение предпочитала конструктивное и без лишних эмоций.

Контакт, который оставил Кастор, действительно ничем не отличался от обычных контактов, которых Виталик повидал на своём веку уже бесчисленное количество, так что вскоре Константин Петрович уже точно знал, где в этот момент лучше всего будет найти носителя, то есть, простите, Модель Событий.

Как и положено всякой приличной деловой леди, Вероника принимала поздний бизнес-ланч в небольшом уютном ресторанчике неподалёку от работы. Вообще-то ей вполне комфортно было обедать в одиночестве, но буквально пару часов назад очередная подружка напросилась составить ей компанию. Подружке конечно же интереснее всего было узнать, как именно Вероника рассталась со своим бывшим, что сказал он, а она, а он, а она, чем дело закончилось и как же теперь жить дальше. К её огромному сожалению, Вероника была достаточно немногословна и недвусмысленно дала понять, что её больше интересует текущее состояние дел на бирже. (В самом деле, интересная тема – для тех, кто разбирается в вопросе. Подружка, к сожалению, не разбиралась.) Так что к тому моменту, как Константин Петрович, преодолевая пробки, подъехал на автомобиле Даниила Юрьевича к дверям ресторана, девчочковый разговор практически подошёл к концу.

– Ну, дорогая, теперь мы будем чаще встречаться, – громко заявила подружка, поднимаясь из-за стола. – Дома-то одной небось скучно сидеть. А так погуляем, глядишь, найдём себе новых, а? При нашей-то сказочной красоте и невообразимом интеллекте разве может быть другому?

– Дома одной неплохо, – ответила Вероника, – весь беспорядок сразу куда-то делся.

– Да ладно! Неужели ты по нему совсем-совсем не скучаешь?

– И что мне это даст?

– Тоже верно. Ну, я полетела. Погода, конечно, отвратительная, но это даже и к лучшему, когда расстаёшься с любимым. Никто не бродит по улицам, обнявшись, не разрывает сердце. Чао, Веронюшка!

Вероника задумчиво помахала ей вслед рукой и попыталась вспомнить, сколько раз – тридцать восемь или сорок два – она просила не называть её Веронюшкой.

Константин Петрович стоял у входа, силясь придумать хоть какой-нибудь логически обоснованный повод для того, чтобы подойти к Модели Событий и попробовать завести с ней разговор. У несгибаемого коммерческого директора Тринадцатой редакции слегка дрожали коленки. Они задрожали ещё сильнее, когда Вероника, глядевшая, казалось, куда-то в сторону, поднялась с места и подошла к нему.

– Узнаёшь меня или нет? – вполне дружелюбно спросила она. – Ты – Костя Рублёв из сто семнадцатой группы, так?

– А ты – Вероника, – легко ответил тот, потому что заранее знал правильный ответ. И тут же изменился в лице. – Слушай, а ты ведь и вправду Вероника. Ничего себе!

Более сомнительный подарок судьбы и представить себе было сложно: эта роскошная строгая дама была без памяти влюблена в него, балбеса невнимательного, на первом и втором курсе, а он, зубрила бессмысленный, был уверен, что они просто друзья.

– Ты очень изменилась... к лучшему, – промямлил Константин Петрович, борясь с желанием выставить защиту и, укрывшись под нею, убежать прочь от этой нелепой ситуации.

– Я ни капли не изменилась, – улыбнулась в ответ Вероника. Вот уж ей-то было комфортно и легко. – Просто я больше не стесняюсь при тебе быть собою. Я теперь вообще никого не стесняюсь!

– Тебе это очень к лицу.

– Н-да? – с сомнением в голосе произнесла Вероника. Причём по интонации было понятно, что в своей собственной неотразимости она нисколько не сомневается, а вот искренность собеседника ставит под сомнение. – Подозреваю, что ты, так же как и я, манкируешь встречами однокурсников. Я собираюсь ещё кофе с плюшками выпить, так что присаживайся ко мне, если хочешь. Или будешь просто стоять?

– Да, у меня образовалось свободное время между встречами, решил попить чего-нибудь согревающего и безалкогольного, – быстро сориентировался Константин Петрович.

– Из всего вышесказанного делаю вывод, что ты неплохо устроился. Поздравляю.

– Спасибо. Ты, надо полагать, тоже.

– Да. Только автомобиль всё никак не соберусь поменять. У тебя, кстати, какой?

– «Бентли», – ровным голосом ответил Константин Петрович, хотя душа его в этот момент пела и ликовала. – Вон там за окном стоит, видишь?

– Очень неплохо, – кивнула Вероника с видом педагога, вписывающего в зачётку слово «хор». – По– моему это немного чересчур, но, говорят, отличная машина. А я ведь думала о тебе на днях.

– Ничего себе! – вздрогнул Константин Петрович. Вот будет номер, если ради спасения мира, ну или, по крайней мере, климатического равновесия на планете ему придётся ответить ей взаимностью. Это, конечно, будет исключительно рабочее задание, ничего личного. Но, может быть, Маша одна не справляется там, в Париже, и ей срочно, буквально сейчас, нужна помощь? Он готов сорваться и прилететь, а спасение мира... Ну, есть же ещё Лёва, Виталик и Шурик.

– Да, вспоминала. Думала, каким ты стал, чем занимаешься, как я на тебяотреагирую, если случайно встречу где-нибудь.

– Ну и как? – осторожно спросил Константин Петрович, высматривая путь к отступлению.

– Нормально. В смысле – хорошо. Удачно всё получилось, мне кажется. А ты как считаешь?

– Да, очень. Знаешь, я случайно оказался свидетелем вашего разговора с той барышней, которая только что шустро выпорхнула на улицу.

– Это моя подруга, она да, достаточно проворная, но не такая глупая, как кажется с первого взгляда.

– Я не об этом. Просто я, кажется, случайно услышал что-то...

– Ну, так никто ведь не мешает тебе это «что-то» забыть, – мягко, но с нажимом приказала Вероника.

– Я уже почти забыл. Просто знаешь, я тоже переживаю разлуку... как бы это сказать... Короче, моя девушка уехала работать в другую страну, и неизвестно, когда вернётся, а я не могу последовать за ней.

– А погода, конечно, не соблюдает взятых на себя обязательств, – глянув за окно, проговорила Вероника. Константин Петрович ошалело проследил за её взглядом. Снова пошёл снег. Он крупными хлопьями падал на асфальт и на припаркованные автомобили, совсем как в рождественской сказке, заявившейся к детям в апреле. Только вот беда – дети выросли уже.

– Да, погода не фонтан, – согласился он.

– Кстати, только между нами, у тебя в подчинении сколько человек? – неожиданно спросила Вероника.

– Се... Де.. Двадцать пять! – брякнул Константин Петрович.

– Н-да? – скептически поджала губы Вероника и снова поглядела в окно, на автомобиль Даниила Юрьевича.

– А сколько надо?

– Нисколько не надо, – покачала головой Вероника. – Мне мои сорок с лишним остолопов надоели уже так, что я иногда подумываю за диссертацию взяться и послать всех подальше. Ладно. Кофе пить мне что-то уже не хочется. Была рада и всё такое. Пиши, если что, а я пойду, пожалуй.

На столе моментально возник и тут же исчез счёт, а перед Константином Петровичем появилось меню. Вероника ушла, оставив официанту разумные чаевые, а своему бывшему однокурснику – визитную карточку со столь впечатляющими названиями фирмы и должности, что идея спасти мир при помощи любви уже не казалась господину коммерческому директору слишком искусственной. Хотя, если сказать по правде, задание он провалил. Вряд ли эта новая Вероника, роскошная, строгая и неприступная, заинтересуется человеком, который хоть и разъезжает по городу на почти что эксклюзивном автомобиле ручной сборки, но при этом руководит всего какими-то двадцатью пятью жалкими человечешками, из которых настоящими, не вымышленными людьми являются только шестеро (ну хорошо, пускай семеро, если считать Гумира).

Когда Константин Петрович вышел на улицу, от пушистой рождественской сказки не осталось и следа. С неба падал мокрый снег пополам с дождём, дул сильный, пронизывающий ветер. Хороший, свежий весенний ветер, заблудившийся в снегах.

На улице была настоящая апрельская вьюга. Наташа смотрела на неё, прижавшись носом к оконному стеклу, и не могла оторваться, хотя, говоря по-честному, дел у неё было достаточно. Но дела могут подождать, правда-правда, а снежная симфония наверняка вот-вот закончится. Наташа вспомнила, как они летом все вместе ходили смотреть на танцующие под музыку фонтаны; нашёлся бы сейчас какой-нибудь сумасшедший осветитель и добавил бы в этот кружевной калейдоскоп разноцветных лучей. Впрочем, тогда бы она просто поселилась на подоконнике, а это пока не входило в её планы. А природа будто нарочно расстаралась, пытаясь произвести на неё впечатление. Сначала с неба летели белые перья. Они кружились в воздухе, медленно опускались на землю и обещали покой и умиротворение. Вскоре перья превратились в восхитительные хлопья белой пены, пытавшиеся заполнить все свободные от снега щели и выбоины в стене напротив. Подул ветер. Снежные хлопья замерли в воздухе, а затем полетели вверх, словно кто-то встряхнул земной шарик. Сугробы под окном не уменьшались, но снег улетал в небо.

Ветер сменил направление и принёс из холодных стран стаю каких-то белёсых насекомых, скорее всего ледяных ос, которые бились о стекло хитиновыми брюшками и настырно пытались проникнуть в помещение. Нужно было во что бы то ни стало уберечь себя и остальных от этих страшных тварей, укусы которых превращают человека в ледяную скульптуру, но вьюга манила, колдовала, завлекала, и вот уже Наташа, сама того не желая, отодвигает в сторону жалюзи, забирается на подоконник, с трудом проворачивает медные шпингалеты и распахивает окно настежь. Осы врываются в приёмную, но жалить никого не спешат: здесь, в тепле, они неопасны и даже беззащитны.

– Это что ещё за сквозняк? – строго спросил неожиданно возникший в дверях Лёва, и осы тут же исчезли, превратились в обычный снег.

Наташа поспешно захлопнула окно и спрыгнула на пол.

– Как твоё ухо? – быстро спросила она, чтобы скрыть смущение.

– Ага, – почесал в затылке Лёва, – я как раз пришёл к тебе, чтобы уточнить, как твоё человеколюбие.

– Так себе, – призналась Наташа.

Разведчики понимают друг друга с полуслова: когда у Лёвы болит ухо, когда Наташа превращается в маленького и жестокого диктатора всея планеты, следует оглядеться по сторонам – наверняка где-то поблизости бродит носитель желания.

– А что, у нас в доме кто-то чужой? – немного помолчав, спросил Лёва.

– У нас гости? – из коридора сквозь неплотно прикрытую Лёвой дверь просочился Виталик. – Давайте же скорее пить, пить, плясать и веселиться, а то садо-га Цианид полагает, что я – робот-автомат, который получает истинное наслаждение от однообразной и тупой деятельности.

– Никаких особых гостей у нас нет, – поубавила его прыть Наташа, – просто Марина с Галиной в своём кабинете отбирают студентов для работы на книжной ярмарке. Вернее, Марина отбирает, а Галина сразу на месте их тренирует, и в процессе этой тренировки отсеиваются те, кого не отфильтровала Марина.

– Многих отфильтровали уже? – злорадно потёр руки Лёва.

– Ну, порядочно. Они проходят такие расстроенные! Я им кофе предлагаю, так они отказываются, бедняжки. Но того, кто нам нужен, среди них не было.

– Тайны? – спросил Виталик. – Как интересно! Пойду помогу старушкам тренировать персонал, уверен, со мной дело пойдёт быстрее!

– Тогда, наверное, мне будет лучше побыть здесь? – неуверенно спросил Лёва, когда за Техником захлопнулась дверь. – Чтобы поддержать тебя, когда «наш гость» появится.

– Как хочешь, – пожала плечами Наташа и принялась вытирать пол: от снежных ос возле батареи остались небольшие лужицы. – Ты не подумай, я не смотрю в окно целыми днями, пока никто не видит, просто хотела успокоиться. Глядишь на снежинки, и это как-то расслабляет.

– Зачем оправдываться? По-моему, люди уделяют слишком мало внимания красоте природы, а если их застанешь за этим занятием, придумывают оправдания. Хотя стыдиться тут нечего. Наоборот, этим гордиться надо.

– Гордиться тем, что ты бездельничаешь, когда все работают? – с удивлением спросила Наташа и на всякий случай протёрла идеально чистый подоконник.

– Нет. Тем, что ты умеешь видеть то, чего не видят другие. Почему японцы ходят смотреть на цветение сакуры и даже сделали из этого целый ритуал, а питерцы, например, не ходят смотреть на то, как по Неве сходит лёд? Хотя это зрелище по медитативности и величественности не уступает сакуре. Так и вижу – суббота, ледоход. На всех набережных сидят горожане, целыми семьями. Пьют из термосов горячий чай, едят бутерброды. Покрепче тоже что-нибудь пьют. А лёд идёт.

– Они увлекутся тем, что пьют и едят, и пропустят весь ледоход, – фыркнула Наташа.

– Найти бы такого человека, с которым можно поделиться этим вот ледоходом, – мечтательно произнёс Лёва и выразительно взглянул на свою собеседницу. Но Наташу больше волновала невидимая невооруженным глазом пыль на этажерке с посудой.

Тем временем в приёмную вернулся Виталик.

– Ну что, помог? – саркастически поинтересовалась Наташа. – Или тебя выгнали?

– Я сам ушёл, – с достоинством ответил тот.

– Что, девушек там симпатичных не было? – догадался Лёва.

– Не знаю, – рассеянно ответил Техник, – не заметил. Да, наверное, были.

– Так зачем же ты туда тогда ходил? – удивилась Наташа.

– Ну, может быть, правда – помочь надо? Пойду ещё раз посмотрю, – сомнамбулически пробормотал Виталик и почему-то двинулся в сторону кофейного автомата.

– Эй, ты чего? – обеспокоенно спросила Наташа. – Ты здоров вообще?

– Да, да. Просто у меня очередное разочарование на личном фронте, пройдёт уже к вечеру. Я бы отвлекся на какое-нибудь интересное дело, но добрый Цианид велел отчёт за квартал переделать. Я немного побуду с вами и уйду.

– Бедный Виталик. Хочешь, я поглажу тебя по голове? – предложила Наташа.

– Лучше ударь меня по этой голове чем-нибудь тяжёлым и квадратным. Чтоб я в следующий раз думал.

– Как же тебе помочь? Мне так хочется, чтобы все мы были счастливы, – воскликнула Наташа, продолжая простодушно не замечать выразительных Лёвиных взглядов. – Вы обратили внимание, что в каждом фильме и в каждой книге происходят поразительные любовные

истории? К тому же у всех нас наверняка есть знакомые, у которых такие истории случались и в жизни, только почему-то эти знакомые – не мы.

– У нас если что и было, то давно просвистело мимо и превратилось в воспоминания, – уныло подтвердил Виталик, решительно тыкая пальцем в панель управления кофейным автоматом.

– Ну, знаете, – вмешался Лёва, – фильмов и книг в мире всё-таки гораздо меньше, чем человеческих пар. Зачем снимать кино и писать книги о неслучившемся? Кому это интересно? У каждого есть целая куча историй про то, как могло бы быть, но не стало. Вам интересно будет смотреть на такое в кино? Вряд ли. То ли дело – когда и могло, и стало.

– Хотя, если подумать, у каждого в прошлом была история, достойная небольшого фильма, – слегка приободрился Виталик. – У меня, к примеру, таких историй было довольно много. Но фильмов о них не сняли, так что я лишён возможности пересматривать их каждый вечер в такие унылые времена, как сейчас, когда ничего не предвещает появления на горизонте женщины моей мечты.

– Ребята, я не об этом, – покачала головой Наташа, – я о такой любви, о которой не забудешь, даже если о ней никто не снял фильма. Интересно, существует она в природе?

– Ещё как существует. Просто любовь в том виде, в каком она водится в мире – а её очень немного, то есть, ровно столько, сколько надо, – отличается от костыля, которым пользуются сценаристы для того, чтобы объяснить нестыковки в сюжете, – пустился в рассуждения Виталик. – Скажем, нам непременно нужно, чтобы некий герой среди ночи встал и пошёл через город – и тогда он встретит в подворотне злодея или найдёт там клад или ещё что-нибудь сюжетообразующее. В другое время злодей и клад недоступны, но как заставить героя вылезти из тёплого гнёздышка – особенно если он жаворонок – и пойти в тёмную ночь? Надо придумать ему любовь, которая иррационально выдернет его на улицу, где притаился сюжетообразующий злодей или клад.

– Но ведь и в жизни возможны нестыковки, – перебил его Лёва. – Человек запланировал жизнь на три года вперёд, а тут такая любовь из-за угла – опа! И все планы насмарку.

– Это не любовь. Это священное безумие, – пояснил Виталик.

– А если это безумие сбивает правильные планы? Какое же оно тогда священное?

– Правильные планы сбить невозможно. То, что действительно важно, герой не упустит никогда, даже если его накормить лучшими в мире мухоморами. Но, повторяю, любовь тут совершенно ни при чём. Этот ингредиент – из совсем другого набора юного алхимика.

– А где продаются такие наборы? – с некоторым интересом спросила Наташа.

– Любовь не продаётся! – покачал головой Виталик, выпивая залпом чуть ли не половину чашки кофе. – Внимательно смотри по сторонам, и найдёшь искомое.

– По сторонам? – разочарованно протянула Наташа. – Но тут только ты и Лёва.

– А я уже уйду! – с нажимом произнёс Виталик и в самом деле благородно удалился.

Вскоре после того как Виталик исчез, в приёмную ввалились довольные сёстры Гусевы.

– Всем стоять, я делаю защиту! – выкрикнула Галина. – Ну что, кукусики, дурью маетесь? А мы-то тем временем такое выгодное дельце провернули!

Выгодное дельце заключалось в следующем: среди студентов, мечтавших поработать на книжной ярмарке под знамёнами крутейшего издательства «Мегабук», обнаружился носитель. Это была юная скромная барышня, мечтавшая доказать своим родителям, что и она кой-чего в этой жизни стоит и вполне уже способна сама зарабатывать деньги. Родители не давали ей никаких шансов: учёба в университете, дополнительные курсы, занятия спортом, свидания с одобренным семьёй молодым человеком занимали всё свободное время бедной крошки. Но вот наступила практика, и у девочки появился неслабый шанс вкусить трудовых будней сполна. Однако интрига заключалась в том, что эта старательная ученица совсем не умела работать

– только учиться. Так что зоркие Марина с Галиной, живо отделившие носителя от простых претендентов, должны за неделю научить это незамутнённое дитя хотя бы азам.

– То есть смотрите, какая тройная выгода, – с гордостью пояснила Марина, – мы нашли хорошего работника. Работник этот готов трудиться за копейки, лишь бы обрести вожделенный опыт. И наконец, обретая опыт, он исполняет своё желание!

– А теперь, Разведчики, шагом марш из приёмной. Мастер-класс закончен, – неожиданно подытожила Галина.

– Что такое? – нахмурился Лёва.

– Уйдите отсюда куда-нибудь ненадолго, а то нам носителя пора выпускать, – пояснила Марина. – Она у нас там, в кабинете сидит, бедняжка, ждёт якобы решения высшего начальства, хотя всё и так решено. Мы просто решили побереечь ваши нежные нервы и чувствительные уши.

– А если девочка не научится работать за неделю, что тогда? – осторожно спросила Наташа.

– Тогда мы отдадим бедняжку на съедение Константину Петровичу! – ухмыльнулась Марина. – У него и мёртвый поднимется из гроба, выкопается из земли и возьмётся за дело с энтузиазмом.

Джордж поднялся к себе, чтобы вздремнуть пару часов, но стоило ему только погрузиться в тёплый и солнечный мир сновидений, как телефонный звонок решительно втянул его обратно. Звонили снизу, из кафе, – значит что-то срочное: они же знают, что он сегодня спал всего три часа.

– Слушаю вас, – страдальчески произнёс Джордж.

– Сейчас машина доставки придёт, а возле чёрного хода замело так, что ей не встать. Помнишь, как было в тот раз, когда они развернулись и уехали, а нам потом пришлось платить неустойку. Сделай что-нибудь, ты же хозяин! – крикнула в трубку его заместитель и личный тиран.

Умеет он всё-таки устраиваться в жизни: если не родители им помыкают – так Димка, не Димка – так Алексей Яковлевич, не Алексей Яковлевич – так эта фурия.

– Хорошо. Сейчас попрошу у дворников лопату и пойду разгрести снег, – покладисто ответил Джордж.

Когда он руководил папиным рестораном, всё было просто. О таких проблемах, как не доставленные по причине снежных заносов продукты, он даже и не подозревал. О других, впрочем, тоже. Давно это было, кажется, пять столетий назад.

Джордж потянулся и поднялся с дивана.

Он снимал квартиру на третьем этаже того самого дома, в подвале которого они с Димкой и Анной-Лизой поселились этой зимой. Теперь в этом подвале было его, Джорджа, персональное, личное, собственное (а не папино) кафе.

Он подошел к окну: угловой эркер, с широченной витриной посередине и двумя узкими бойницами по бокам, был его любимым наблюдательным пунктом. Он выглянул в левую бойницу: снежная сказка, да и только. Перешёл к правой: ну точно, все подъезды замело, в самом деле, придётся идти за лопатой.

Через день после того, как старый шемобор Эрикссон умчался в неизвестном направлении, прихватив своего свежеепечённого раба Диму Маркина, Джордж уже подписывал с собственником подвальчика договор долгосрочной аренды. Такова участь любого, кто по милости мунга или шемобора второй ступени и выше становится Хозяином Места. Всё плывёт ему будто бы прямо в руки, всё происходит как бы само собой, стоит только приступить к обустройству будущего Места, где все люди, нелюди и сомневающиеся смогут отдохнуть под его защитой. Но стоит свернуть в сторону – и удача моментально от него отвернётся. Впрочем, Джордж и не думал сворачивать. Он не рассуждал о том, что он будет делать, справится ли, не надоест ли ему, – он поочерёдно с благодарностью принимал всё, что падало ему в руки. Он не знал, что у него получится в итоге, но заранее любил своё детище. Здесь, в этом подвальчике, людям будет хорошо. Они станут приходить сюда, чтобы поговорить, перекусить, пересидеть дождь, выпить кофе, спрятаться от суеты. Место, конечно, не самое бойкое – об этом ещё предыдущий владелец предупреждал, но зато поблизости нет ничего похожего. «Кому надо – те узнают, – решил Джордж. – А кто не узнает – тем не надо».

Первыми о будущей кофейне узнали студенты-художники, мечтавшие расписывать стены квартир и клубов узорами собственного сочинения. Они заглянули в подвал – потому что дверь была открыта, внимательно оглядели свежоштукатуренные стены и признали их условно годными для творческого безумия.

– Только ведь хозяин, упырь какой-нибудь, захочет сюда наклепить кошечек и девочек, нечего тут ловить, – безнадёжно махнул рукой самый опытный художник, получавший больше всех отказов.

– Хозяин, конечно, упырь, – отозвался со стремянки Джордж, – Но он в ступоре и не знает, что сюда лепить. Может быть, вы знаете?

– Может, и знаем, – хитро ответил самый опытный художник, – Но на слово же никто не верит. Все сначала требуют эскиз. А потом говорят – отлично! Просто гениально! Только вот тут сделайте попроще. Здесь цвета поменяйте. Тут не надо зауми. И обязательно нарисуйте поверх всего кошечек и девочек!

– Да не надо эскизов. Просто покажите, что вы вообще рисуете.

Посмотрев работы художников, Джордж заявил, что если он и потребует от них эскизы – то только для того, чтобы припрятать лет на десять в своём сейфе, а потом продать с аукциона за бешеные деньги.

– То есть можно приходить и рисовать, что ли? – не поверил самый опытный.
– Ну да. Только скажите мне, сколько это будет стоить.
– Без эскизов и за деньги? – уточнил он. – А в чём подвох?
– Если хотите, лично вы рисуйте эскизы. Десять штук в масштабе один к одному. И работайте бесплатно. Без отдыха, выходных и перекуров. А с остальными мы договоримся отдельно, – устало ответил Джордж.

И тут все поняли, что он не шутит.

В доме, гостеприимно приютившем у себя маленького и неопытного Хозяина Места, жила девочка Катя, которая очень любила свою квартиру, и чудесный вид из окна, и лестницу со щербатыми ступеньками и высокими перилами. Не так давно её любовь даже спасла весь дом от сноса. К счастью, об этом не знал никто, кроме Константина Петровича. Иначе соседи целыми днями судачили бы о том, что Катька-то, слышали, своим заветным желанием дом спасла. А вот напрасно сделала, потому что нам хорошую квартиру в Озерках давали вместо этой, а тут и водопровод барахлит, и отопление на ладан дышит, и вообще непонятно, как доживём до этого хвалёного капремонта.

О том, что Джордж теперь – Хозяин Места тоже, впрочем, знал только шутник Эрикссон. Иначе жильцы дома шептались бы по-другому: вы слышали, что у нас в подвале опять кафе будет? Нет? Сходите-сходите. Там хозяин со странностями. Да. Говорят – Хозяин Места. Не знаю, что это такое. Какой-то хозяин какого-то места. Клад, наверное, закопал и помалкивает где. Да какой у него клад, что за наивность! Хозяин Места на ихнем жаргоне означает – пахан. Обыкновенный бандит.

Однажды, когда художники самозабвенно раскрашивали стены, а обыкновенный бандит, пристроившись в углу, нарезал им бутерброды и варил кофе на газовой горелке, в подвал спустилась та самая девочка Катя. Ну, интересно же – что это в её доме затеяли, а ей не доложили?

Когда она вошла, Джордж колдовал над туркой, вспоминая уроки Майи-Кайзы и надеясь приготовить что-то невероятное. Потому что невозможно оставаться обычным человеком, когда вокруг царит творческое безумие: сразу как-то хочется тоже если не в пляс пуститься, так хотя бы сотворить какой-нибудь крохотный, пускай и недолговечный, шедевр.

– Фея-кофея! – восхищённо сказала Катя.

– Что-что? – повернулся к ней Джордж.

– Ой. Я думала, ты – тётя, – смутилась Катя. – А почему ты не рисуешь?

– Не умею.

– И поэтому тебя заставили готовить?

– Кто ж меня может заставить! Я тут самый главный. А ещё мне иногда позволяют подтаскивать краски и мыть кисти, но сейчас все кисти в порядке, и красок тоже нужное количество.

– По-моему, ты не самый главный, – недоверчиво покачала головой Катя и ушла.

– Слушай, чувак, а название у этого места есть уже? – через некоторое время спросил у Джорджа один из художников. – Мы решили вывеску сделать тебе в подарок. Фор фри. Просто за то, что ты такой зачетный пацан.

– Название? – задумчиво повторил Джордж. – А давайте пусть будет «Фея-кофея»? Нормально вообще звучит?

– Самое то, – уверенно кивнул художник, – мы примерно так и думали.

Даже в налоговой инспекции это название не вызвало возражений. «ООО „ФЕЯ-КОФЕЯ“» – значилось в документах.

Через неделю «Фея-кофея» открылась. Джордж был вне себя от счастья: он не просто руководил, он был везде одновременно, а ещё находил время на то, чтобы постоять за барной стойкой и приготовить посетителям что-нибудь особенное.

Однажды, разобравшись с основными делами, он самозабвенно колдовал над туркой: нужно было приготовить сладчайший, но не приторный нектар для грустной барышни, – как вдруг раздался резкий и неприятный голос:

– Ну, понятно. Кофе двадцати родов, и одно заветренное пирожное на закуску. Куда ты меня притащила?

– Мама, давай уйдём, если тебе здесь не нравится.

– Мне здесь нравится. Но мне не нравится, как тут кормят. Ты посмотри на этот доисторический бутерброд! А этот артефакт эпохи палеолита как бы салат у них, понимаешь?

– Мама, пожалуйста!

– Можете приготовить лучше? – не глядя на посетительницу, поинтересовался Джордж, осторожно передавая грустной барышне чашу горячего пряного напитка.

– Конечно, могу, иначе бы я помалкивала!

– Мама, прекрати, или я уйду.

Джордж взглянул на мать и дочь. Они, видимо, решили поговорить в спокойной обстановке. Сюда часто приходят именно за этим: люди ведь чувствуют, что на территории, принадлежащей Хозяину Места, они находятся под его защитой.

– А не могли бы вы, например, с завтрашнего дня выйти на работу и готовить так, как вы умеете? – из озорства поинтересовался Джордж.

Не то, чтобы он хотел разозлить эту дамочку. Конечно, было бы забавно посмотреть, как она подпрыгнет до потолка, а потом прочитает ему гневную отповедь. Но дамочка прыгать не стала и гневаться тоже не соизволила, а вместо этого проговорила с сожалением:

– Если бы ты, мальчик, решал кадровые вопросы, тебя бы тут не поставили.

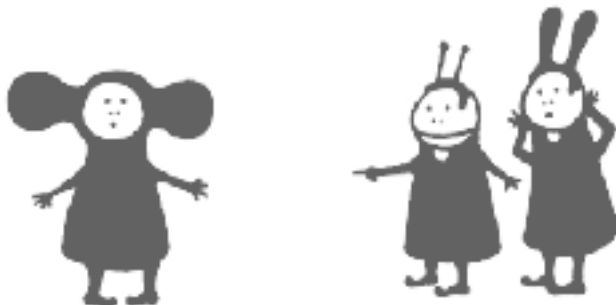
– А если именно я решаю такие вопросы – и сам себя сюда поставил? – ухмыльнулся Джордж.

Дама окинула его оценивающим взглядом:

– Вот сомневаюсь я что-то. Но если именно ты их решаешь, то именно я с завтрашнего дня выхожу на работу поваром. Хоть бесплатно.

– Мама, он же тебя сейчас на слове поймает! – воскликнула дочка.

Джордж пригляделся: кажется, он уже видел эту девушку раньше. Маша Белогорская (эта встреча случилось задолго до того, как она уехала в Париж) перехватила его взгляд и закатила глаза, давая понять, что теперь он от её матушки так просто не отделается. Бывшего владельца ресторана «Квартира Самурая», одноклассника прекрасного вампира Дмитрия Олеговича, она конечно же не узнала.

– Вот не думай, что ты умнее матери! Мала ещё! Если он поймает меня на слове – значит он тут в самом деле главный. А если он главный и при этом умеет сносно кофе варить, значит, заведение не совсем пропащее и работать в нём можно, – рассудительно сказала Елена Васильевна.

– А с вами можно работать, или вы всегда на взводе? – поинтересовался Джордж, передавая турку своему напарнику, студенту-художнику, которому так понравилось то, что они сделали, что он решил здесь немного поработать. – Конечно, ловить вас на слове я не буду и возьму на испытательный срок на полную ставку. Но будет жаль, если все ваши понты останутся только понтами.

– Понты-ы? – задохнулась мадам Белогорская. И прочитала Джорджу долгожданную отповедь, на которую он нарывался с самого начала.

С тех пор никто не может похвастаться, что видел в «Фее-кофее» заветренное пирожное или доисторический бутерброд.

Елена Васильевна стала правой рукой Джорджа. Они отличноладили друг с другом: сын, опасавшийся, что не оправдает надежды родителей, и мать, постоянно придиравшаяся к своей дочери, вплоть до того самого дня, когда та сорвалась и улетела в Париж.

Время от времени ноги сами приводили Джорджа к Мутному Дому, в котором когда-то располагался его (да ладно, его, папин, конечно же) ресторан. Он смущался, шагал в темноту ближайшей подворотни и дворами убегал подальше от этого места. Ему ведь ясно дали понять, что без него здесь всем стало только лучше.

Всем, кроме чудо-кондитера Павла. Тот был фанатом и мастером своего дела и потому загибался от однотипной стряпни при новом хозяине. Но уйти не мог – в других заведениях было всё то же самое, а тут хотя бы платили не хуже, чем при прежней власти. Но по ночам ему снились фантастическая выпечка, неожиданные начинки, сказочная глазурь. Однажды, когда Павел возвращался с работы, к нему подошел Георгий Александрович, бывший хозяин, который как будто бы то ли погиб на пожаре, то ли пропал без вести.

– Привет. Ну, как работается? – спросил Джордж.

Павел хотел отмахнуться от него и сказать «Нормально», но почему-то ответил честно:

– Плохо. Очень мне там плохо.

– А я открыл кофейню. Здесь, неподалёку. Она маленькая, почти семейная. Одна столетняя финская колдунья научила меня варить кофе, и я варю его. Суровая леди Елена командует на кухне. А ты, я помню, делал вкуснейшие сладости. Хочешь к нам? Только платить буду гораздо меньше, чем раньше, уж извини.

– А делать можно всё, что захочу? – недоверчиво спросил Павел.

– Нужно. У нас такая сказочная кондитерская получилась. То ли из-за названия, то ли просто я такой... Странный. Но сладости у нас пока самые обычные, хотя и добротные. А хочется добавить в них немного твоего волшебства.

После того как Павел приступил к работе, в кафе повадились восторженные юные создания. А когда рассказы о «Фее-кофее» вышли за пределы Интернета, к Джорджу в гости наведались бывшие товарищи по партии «Народный покой»: Костыль и его ребята. Во время последней встречи товарищ Костыль спас товарища Егория от неминуемой расправы, и его стоило бы поблагодарить уже хотя бы за это.

– Здорово, Горе-Егоре! – гаркнул Костыль.

– Привет. Что-нибудь закажете или просто так посидим? – поинтересовался тот, выбираясь из-за барной стойки.

– А что, защитить-то тебя ни от кого не надо? А то люди всякие бывают, – перешёл прямо к делу Костыль.

– Ну, не знаю. Пока вроде бы никаких проблем не было.

– А могут быть, – со значением сказал Костыль. – Люди-то всякие бывают.

Его ребята покивали: мол, да, бывают такие плохие, скверные люди, которые требуют денег с простодушных владельцев кафе. Но Джордж уже не был тем домашним мальчиком, который в пику папаше записался в партию «Народный покой» и долгое время пополнял её кассу из своего кармана.

– Знаешь, а ведь охранники нам нужны, тут ты прав, – спокойно сказал он, присел за ближайший столик и жестом предложил бывшим товарищам сделать то же самое. – Если посоветуешь кого-нибудь из своих, то обещаю подумать над его кандидатурой.

– Эй, эй, – хрустнул костяшками пальцев Костыль, – меня возьми. Начальником охраны.

– Ты сам не захочешь. У нас заведение маленькое, придётся выполнять массу разных поручений.

Товарищ Костыль внимательно оглядел помещение. На первый взгляд ему здесь понравилось.

– Что это за гопника ты приволок? – в сердцах воскликнула Елена Васильевна, увидев Костыля. – Где только нашёл такого?

– Ша, леди, – решительно заявил тот, – я на испытательном сроке. Поэтому, если будете меня доставать, я сильно обижусь и уйду. Но перед этим буду ещё сильно скандалить.

– Значит, когда испытательный срок закончится, тебя можно будет доставать, я правильно поняла? – потёрла переносицу Елена Васильевна.

– А к тому времени либо я обижусь и уйду, либо вы меня полюбите, – здраво рассудил Костыль.

Стоило трудоустраивать эту разношёрстную компанию, чтобы каждый занимался своим любимым делом, а бедному сиротке, владельцу кафе, вместо благодарности доставалась самая неблагоприятная, грязная работа, вроде разгребания снега. Когда Джордж, утопая в жалости к себе, несчастному, подошёл к чёрному ходу, чтобы оценить заносы, Костыль уже приволок из дворицкой две совковые лопаты и вместе с напарником расчищал подъезды.

– И вот надо было меня будить, если вы сами справляетесь? – поинтересовался «бедный сиротка».

– Конечно, надо. Вдруг она не скажет, что это мы, – гордо объявил Костыль. – Героев должны знать в лицо! Там ещё Павел какой-то тортец испёк. Пойди посмотри, пока весь не сожрали.

«Уже в Париже. Устроилась работать в „Макдоналдс“» – вот какую SMS послала Маша Белогорская своим коллегам по Тринадцатой редакции и Елене Васильевне. «Что-то больно близко от дома, почему не в Америке? У нас-то „Макдоналдсов“ ведь нет!» – немедленно отреагировала мать. Конечно же она всё приняла на свой счёт: дочка, с детства приученная к здоровой пище, вырвалась из-под контроля и устроилась в самом что ни на есть аду главным ворошильщиком пекла!

Коллеги отреагировали менее бурно: они-то уже знали, куда едет их дорогая Маша. Таким образом, она сообщила, что всё идёт по плану.

Когда Кастор, делано покашливая и озабоченно качая головой, объявил питерским мунгам, что он отправляет одного из них в Париж – впрочем, есть одно «но», – и на некоторое время умолк, каждый придумал тысячу и одно ужасное «но», и только Константин Петрович оказался ближе всех к разгадке. «Неужели придётся работать в филиале транснациональной корпорации?» – пробормотал он. «Можно и так сказать», – ухмыльнулся Кастор.

«Макдоналдс» содержит немало мунговских ячеек по всему миру и взамен получает поддержку, о которой конкуренты даже и не мечтают (потому что у них не настолько развита фантазия, и вообще, они серьёзные люди и в сказки не верят).

– Скажите, а «Кока-кола» – тоже за нас? – спросила Наташа.

– Нет. Они всё больше по шемоборам, – ответил Кастор.

– Но как же так? – удивилась Разведчица. – Ведь «Кока-кола» продаётся в «Макдоналдсе»?

– Ну, продаётся, и что! Есть и более странные союзы. Не отвлекайте меня, пожалуйста, иначе кое-кто поедет в Париж без должной подготовки.

В аэропорту Шарль де Голль Машу встречал будущий коллега и будущий друг Жан. Он усадил её на мотороллер, прикрепил к багажнику чемодан и рюкзак и сорвался с места. Легенды, сказки и истории проносились мимо Маши со свистом, она даже по сторонам глядеть боялась: вот будет смеху, если она в первый же день зазевается и свалится на мостовую, под колёса автомобилей. Придётся парижанам искать себе очередного более собранного «защитника».

– Наконец-то можно нормально провести совещание! – с облегчением вздохнул шеф парижских мунгов. – Знакомьтесь, это Мария, наш новый сотрудник. Мария, пожалуйста.

Точно копируя Константина Петровича, она выставила защиту и сдержанно кивнула: мол, порядок, можно начинать. Ну а дальше всё было как дома: новые коллеги по очереди рассказали о том, как у них идут дела с носителями, кто-то попросил помочь разобраться с тракторной желанием, кто-то похвастался, как с утра обтяпал дельце. Со временем все эти люди приобретут индивидуальные черты, и Маша сможет отличать их друг от друга, но пока что она запомнила только Жана – весёлого парня, встретившего её в аэропорту.

После совещания новые коллеги по очереди подошли к ней, представились и выразили надежду, что в Париже ей понравится. Более многословным оказался только будущий друг.

– Жан и Мария, как это мило, – воскликнул он и схватил её за руку, увлекая за собой через служебные помещения на улицу, где ждал верный мотороллер. – Мне поручили тебя опекать, но даже если бы не поручили, я бы всё равно это сделал, потому что я самый толковый парень. Жить будешь у моей мамы. Она меня практически на порог не пускает, но тебе будет очень рада, она всё ещё надеется меня женить. А, да, я – гей, поэтому насчёт поцелуев – только в щёчку, как любимого братика. У тебя есть братик? И у меня нет, у меня зато есть две сестры, старшие, меня воспитывали одни женщины, и вот я такой, какой я есть. Кстати, угадай, кто я в нашей команде?

– Наверное, Техник? – предположила Маша.

– Надо же, с первого раза. Теперь нас, толковых, будет двое. А как догадалась?

– У нас в Питере тоже очень толковый Техник был. Не замолкал даже по ночам.

– Со мной, сразу предупреждаю, у тебя ничего не может быть, поэтому сообщаю: по ночам я молчу. Если не веришь, приведу пол-Парижа свидетелей.

– Спасибо, я верю. Ты не бойся, я не буду к тебе приставать. Моё сердце осталось в Петербурге.

– Боже, как это романтично! И ты что же, будешь ему писать? Или ей? Скажи, подруга, а ты не лесбиянка ли? Ты мне как-то сразу так понравилась, как только я тебя увидел в аэропорту. Нет? Ну и тоже неплохо, значит, с тобой можно будет о парнях поговорить. Запомни главные правила выживания в нашем фастфуде: всегда улыбаться, когда принимаешь и выполняешь заказ, и во всём слушаться шефа. Он, конечно, выглядит как старый хрыч, но на самом деле ему можно доверять. Он действительно сечёт фишку. Есть ещё вопросы или едем?

– Скажи, а когда у вас идёт собрание, кто стоит за прилавком?

– За прилавком? Другая смена стоит. У нас же не все в теме, некоторые просто работают.

– А как же они... то есть мы... уединяемся. «Извините, другая смена, вам сюда нельзя, у нас секреты»?

– Зачем? У нас профсоюз. А им в него совсем и не хочется, у нас правила такие идиотские нарочно, – подмигнул Жан. И неожиданно спросил: – Знаешь, почему мы подружимся?

– Потому что ты обаятельный, – уверенно сказала Маша.

– Это не повод для дружбы. И вообще, мы с тобой очень разные. Я обаятельный, ты воспитанная. Но мы идём по одной дороге. С разными целями, но всё же.

– По какой дороге?

– По дороге под названием «Я хочу двигаться вперёд». Потом полюбишься на наших. Они засахарились в своём воображаемом могуществе. Ходят по городу, как ожившие статуи из Лувра, и несут на головах своё бесконечное превосходство над другими. Да чего я рассказываю, у вас, наверное, то же самое! – махнул рукой Жан и решительно оседлал мотороллер.

«У нас по-другому, – подумала Маша, аккуратно усаживаясь за спиной у своего невероятного возницы. – Но пройдёт немного времени, и я буду думать „у нас“ про здесь. А про наших – „там, у них“».

На какое-то мгновение мир показался ей огромным и неприветливым, и тут неожиданно пришла SMS от Константина Петровича: «Важный вопрос, без которого наши лоботрясы не могут заняться делом: у вас там действительно называют биг-мак – лё биг-мак?» – и мир снова стал самим собой. А потом завертелся ещё быстрее и с огромной скоростью помчался вперёд: Жан решил компенсировать время, потраченное на разговоры.

Виталик перемещался по приёмной то быстрыми перебежками, то медленным шагом, оглядывался по сторонам, простукивал полки и стены, принимался даже, и при этом, что удивительно, молчал. Наташа сидела за конторкой, шелестела договорами и не обращала на него внимания: подумаешь, человеку побегать хочется, для здоровья полезно. Денис вообще гантели в кабинет притащил, а со следующей зарплаты собирается купить тренажер, потому что надо же куда-то девать эту смешную зарплату.

Когда Виталик от отчаяния начал простукивать пол, из кабинета шефа величаво выплыл Константин Петрович, аккуратно прикрыл за собою дверь, сдул с неё несуществующие пылинки и строго спросил:

– Ты чего тут шарешься?

– Да вот, забыл куда положил... И забыл что... – неопределённо пошевелил пальцами в воздухе Виталик.

– И? Твои действия?

– Вот найду – и вспомню всё.

Константин Петрович неодобрительно покачал головой и покинул приёмную.

– Может быть, ты и не терял ничего? – предположила Наташа. – Кофе выпей, вдруг ты от переутомления всё забыл?

– Это где и про что ты сейчас? – поднял голову Техник. – Кофе-кофе... Это такой модуль памяти, который... Да, пожалуй, я и вправду перегрелся.

Пока он тихонечко остывал в углу, Наташа вновь попыталась сосредоточиться на договорах, которые у неё вот-вот должен был затребовать московский офис, но тут в приёмной

появились сёстры Гусевы. Они, кажется, совсем разучились входить в помещение, как обычные люди: если впереди была дверь, они распахивали её ударом ноги; если не было двери – одним прыжком оказывались в центре помещения, вставали спина к спине и молниеносно сканировали взглядами местность. Только к Даниилу Юрьевичу они всегда заходили вежливо, потому что иначе бы его заговоренная дверь их попросту не пропустила.

– Ты тут не видела этого, как его... – пощёлкала в воздухе пальцами Галина и с надеждой посмотрела на Наташу. – Техника этого нашего. Он кой-чего обещал, а сам смылся.

– Ой, милые, дорогие, скажите, что я вам обещал? – взмолился Виталик. И, что называется, нарвался.

Легко и плавно, как некрупные хищники, сёстры Гусевы обступили его, вынудив плотно прижаться спиной к спинке дивана.

– График, – громким шепотом сказала Галина.

– Ой, я дурра-а-ак! – воскликнул Техник, прижимая пальцы к вискам.

– Забыл? – строго спросила Марина.

– Потерял? – потянулась за ножом Галина.

– Да в кармане он у меня, а я зачем-то ищу его по всей приёмной! – Виталик выудил на белый свет и передал собеседницам слегка помятый листок, отвесил всем присутствующим дамам поклон и испарился.

– Ага, понятно, – кивнула Марина, повертев бумажку в руках, – сегодня вечером и займёмся.

Общественной миссией сестёр Гусевых была защита диких крыс от человеческой жестокости. Виталик уже давно покорно и беспрекословно выкачивал для них из закрытого архива планы дератизации районов города, а уж как дальше боевые старушки поступали с полученной информацией, он не знал, и знать не хотел.

В Тринадцатой редакции считали эту историю милой причудой двух пожилых гражданок: ну, одни бабульки подкармливают голубей, другие – кошек, третьи – собак, а эти вот с крысами нянькаются. Правда, сёстры Гусевы никогда не кормили крыс, полагая, что если крыса не в состоянии найти себе пропитание, то ей лучше бы вовсе не жить или покинуть территорию в поисках более хлебных мест. Сами крысы, кстати, были полностью с этим согласны.

Коллеги подшучивали над очаровательной слабостью стальных Бойцов, присылали им по электронной почте открытки с умильными крысятами, дарили плюшевые игрушки, и всё это сходило им с рук. Правду знал только Даниил Юрьевич, который хранил многие тайны своих подчинённых.

Конечно, никаких слабостей – ни очаровательных, ни ужасных – у сестёр Гусевых нет и быть не может, и то, что они так активно взялись за спасение диких крыс, – всего лишь зов крови.

Пятнадцать лет назад тётя с дядей подарили на день рождения маленькой Ане Гусевой двух живых крысят, белых с серыми воротничками. Назвали крыс Снежинка и Кнопочка. Вообще-то Аня мечтала о таксе, но оказалось, что крыса – она совсем как такса, только размером поменьше. А две крысы – это ведь в два раза лучше, чем одна какая-то такса, которую надо выгуливать рано утром, перед тем как идти в школу.

Но очень скоро девочка узнала страшную правду: декоративные крысы не живут более трёх лет – так устроен их мир. Кажется, какой-то одноклассник, не в меру начитанный, но совсем бессердечный, решил её просветить. И в этот момент Аня, ничего ещё толком не знавшая о смерти, потому что её мир был вечным и неизменным, вдруг поняла: ничего ей больше не надо – заберите дорогушую красавицу куклу на шарнирах, юбку с заклёпками, какой ни у кого в городе нет, – заберите, только, пожалуйста, пусть Снежинка и Кнопочка живут столько, сколько и люди, пусть не умирают через год, пусть даже состарятся, но живут долго-предолго. Можно считать, что ей повезло: сформулируй она своё заветное желание как-нибудь иначе – ну, например: «Не хочу, чтобы мои крысы жили меньше, чем я», – и эта история закончилась бы быстро и очень печально.

Как раз в это время в чудесном Анином городке гостил Миша Кулаков, легендарный в те годы шемобор, специализировавшийся только на необычных делах. Анино желание было крайне любопытным – и невыполнимым с точки зрения простой логики, которой придерживались и простодушные мунги, и даже многие шемоборы. Многие, но только не сам Миша и его друг Коля Василенко, служивший в департаменте исполнения желаний. Порывшись в архивах, Коля нашёл примеры и прецеденты, объединив которые вместе можно было решить задачу, поставленную перед ними Аней Гусевой.

Миша Кулаков верил в безнаказанность победителей. Коля Василенко верил в то, что нет невыполнимых желаний – есть туповатые исполнители. Вместе они провели столь опасный и этически недопустимый эксперимент, после которого немедленно были вычеркнуты из всех списков своей организации и оказались вне закона.

Для начала молодые самоуверенные шемоборы нашли в том же городе двух старушек сестёр, доживавших свой век в маленькой тесной квартире в полном уединении. Каждая из них, втайне от другой, мечтала поскорее уйти из жизни тихо и незаметно, никому не доставляя хлопот. С такими желаниями Миша никогда не связывался: слишком легко исполнять, нет куража, да и восторга первопроходца тоже нет, но бабушки были лишь частью плана.

Воспользовавшись наработками второй ступени, к которым ему, как подающему надежды молодому гению, был открыт избирательный доступ, Коля позволил старушкам особым образом уснуть, чтобы уже никогда не проснуться, а в тела их, обладавшие немалым запасом прочности и жизненных сил, вселил Аниных домашних любимцев.

«Ну вот. Теперь назад не повернёшь. Эти бабки уже на том свете, а крысаки либо приживутся, либо не приживутся», – сказал Коля и щёлкнул пальцами по корешку книги «Собачье сердце», вдохновившей его на этот эксперимент.

Вернувшись из школы, Аня, обнаружила, что дверь в квартиру закрыта не как обычно, на два поворота ключа, а на один. В коридоре пахло табаком: странно, папа никогда не курил в доме, всегда выходил на балкон, да и потом, сейчас он должен быть на работе. Аня сняла уличную обувь и верхнюю одежду, стянула колготки, зашвырнула их под полку для обуви и босиком (надень тапки!) пошлёпала в свою комнату.

Честно говоря, в последние два месяца девочка не слишком спешила домой: она боялась, что её любимые крысы, ставшие какими-то вялыми и сонными, уснут навсегда. Но не сидеть же на улице, когда все подружки разошлись по домам!

В Аниной комнате пахло табаком ещё сильнее, окно было распахнуто настежь, а у стены, рядом с клеткой её любимых Снежинки и Кнопочки, стояли две незнакомые бабки.

– У нас нечего красть! – закричала Аня, озираясь по сторонам в поисках швабры или скалки, которой можно отбиваться от чужачек. В том, что они – воровки, она не сомневалась. Родители предупреждали, что, прежде чем открыть дверь в квартиру, надо внимательно оглядеться по сторонам: не притаился ли поблизости кто посторонний? Но вот что делать, если посторонние уже оказались в квартире, они сказать забыли.

– Есть чего у вас брать, – сказала одна из бабок. – Еда. Здесь пахнет едой.

– Вы голодные, что ли? – растерялась Аня. – Вы давно не ели?

– Очень давно! – ответила вторая. Они действительно ничего не ели уже около двух часов: ровно с момента превращения, а для крыс это довольно большой срок.

– А зачем влезать в чужую квартиру? Попросили бы на улице, чтобы вам дали еды, – стараясь держать в поле зрения обеих старух разом, спросила Аня.

– Мы не влезали, – с раздражением ответили ей, – мы вылезли. Просто мы теперь не помещаемся туда, где наша еда.

Бабульки не выглядели опасно – скорее жалко. Наверное, пенсию не платят да ещё из дому выгнали. К тому же им, должно быть, тяжело стоять на ногах, вот они и держатся руками за стенку и только поводят головами влево-вправо, как будто принохиваясь.

Аня осторожно подошла к ним поближе и тут только заметила, что клетка Кнопочки и Снежинки пуста.

– Где мои крысы? – закричала девочка так, что старухи синхронно согнулись пополам и прижали руки к ушам: у крыс, даже обращённых в людей, очень тонкий слух, и излишний шум их пугает.

– Не пиши так громко, – попросила бабка, стоявшая чуть поближе к девочке. – Мы твои крысы.

В первый же день знакомства Аня поняла, что Снежинка и Кнопочка – необыкновенно умные создания, уж куда умнее её самой, и была бы у них возможность говорить, они бы доказали это. В свою очередь крысы и сами давно хотели поболтать со своей хозяйкой, и вот наконец у них это получилось. Сидя на кухне и уплетая за обе щёки обед (Аня разогрела себе суп, а своим крыскам насыпала в тарелки овсяных хлопьев пополам с гречневой крупой), старухи старательно припоминали то, что знали и видели только они трое: как Аня, вместо того чтобы готовиться к урокам, читала «книжку для взрослых», как она, думая, что её никто не видит, изображала перед зеркалом поп-звезду, как она красилась маминой косметикой, ну и так далее.

– Как хорошо, что вы не умрёте, – сказала Аня. – Только я не знаю, что скажет мама.

– Твоя мама хотела, чтобы мы умерли? – спросила старшая бабулька. – Надо же, а от неё так хорошо пахло.

– Нет. Мама может не разрешить жить у нас.

– А мы и сами не будем. Тут тесно, – заявила вторая. – Сейчас поедем и пойдём искать этих волшебников. Надо бы их загрызть за то, что мы теперь сами не понимаем, кто мы такие.

– Только придумай нам какие-нибудь человеческие имена, – попросила первая, – раз уж мы теперь люди.

– Пусть вы будете Марина. А вы – Галина. И ещё вам обязательно нужна фамилия. Берите мою, мне не жалко. Будете Гусевы. Ага?

– Пойдёт, – кивнула Галина, бесшумно и легко поднимаясь из-за стола: она уже начала привыкать к телу, в котором ей предстояло существовать. – Спасибо за прокорм.

С тех пор девочка ни разу не видела Марину с Галиной. Родителям она сказала, что крысы, кажется, убежали, через полгода ей подарили таксу, и воспоминания постепенно притупились. Повзрослев, Аня придумала простое объяснение этой истории: когда её крысы умерли, родители пригласили двух артисток из цирка, гастролировавшего в те дни у них в городе, и старушки разыграли перед ней целое представление. Вспомнить только, как ловко они грызли ядрицу! Аня не сердилась на родителей за этот обман, наоборот, она была им благодарна, но решила не признаваться, что обо всём догадалась.

Галина же с Мариной, выйдя во двор и принявшись, довольно быстро определили направление, в котором скрылись Миша и Коля. Этих злодеев следовало поскорее загрызть за то, что они украли их честную крысиную смерть, заменив её каким-то странным, почти посмертным существованием в чужом, человеческом, мире. Вскоре, однако, выяснилось, что, помимо прочих недостатков, существование в людском обличье не оставляет возможности легко и просто загрызть врага: нужны какие-то специальные приспособления, искусственные когти и зубы из стали. Да ещё и след злодейских гадов почему-то заканчивался на железнодорожном вокзале, хотя было понятно, что они не умерли.

Шатаясь по городу в поисках стальных зубов, эти два пожилых, невероятно развитых ребёнка набрали на обувную мастерскую и попытались украсть там шило и мыло. Шило – чтобы при встрече воткнуть в горло врагам, мыло – чтобы съесть. По некоторому стечению обстоятельств обувная мастерская была прикрытием местной ячейки мунгов, а за прилавком в тот момент как раз стояла шеф организации, Карина Петровна. Она знала всех людей в городе, особенно пожилых, и незнакомки, неумело пытавшиеся стащить копеечное оборудование, вызвали в ней интерес. Оставив за прилавком Разведчика, Карина Петровна залучила старушенций в служебное помещение, подальше от посторонних глаз. Она была прекрасным руководителем и хорошо понимала свои возможности, поэтому уже через пятнадцать минут в тесной комнатке, именуемой кабинетом, материализовался «верховный исполнитель», мунг второй ступени, Трофим Парфёнович собственной персоной (из очей пламя пышет, из ноздрей дым валит) и взял руководство операцией в свои руки.

Тонким крысиным нюхом бывшие Снежинка и Кнопочка почуяли в истории своего превращения присутствие странной силы и готовы были искать, находить и рвать на кусочки всех, от кого пахло этой силой. Собственно, они и к мунгам-то забрели неслучайно: подманила их та же самая сила, хоть и по-другому сонастроенная с окружающим миром.

– Понятно, – сказал Трофим Парфёнович, внимательно оглядев сестёр Гусевых. – Это вас, значит, господа шемоборы объявили в розыск?

– А ты ведь мёртвый, – сказала вдруг Марина.

– Причём давно уже. Есть нельзя, – добавила Галина.

Карина Петровна приготовилась спрятаться под стол: ходили слухи, что «верховный исполнитель» испепеляет взглядом не только тех, кто посмел усомниться в его величии, но заодно и всех свидетелей. Слухи эти, впрочем, распространял Кастор, полагавший, что первой ступени положено трепетать перед начальством, а сам Трофим Парфёнович не имел о них ни малейшего представления.

– Не ешьте меня, – неожиданно сказал он, – вы же хотите отомстить? Я подскажу вам способ.

Доподлинно известно, что животные – самые лучшие Бойцы. Там, где опытный шемобор запутает след и обведёт сильного и храброго, но не всегда проницательного человека, зверь не ошибётся и будет идти до последнего. Не то чтобы Бойцов-животных за всю историю мунговства было действительно много, но их количество перевалило уже за два десятка. Все знали, что где-то в Южной Америке и сейчас существует пара Бойцов, состоящая из собаки и человека, причём человек при собаке числится чуть ли не прислугой: ну там, выгулять, вычесать, лапы помыть, накормить, отвести, куда она пожелает, и всё прочее.

Уяснив, что лучший способ отомстить проклятым Мише и Коле – это вступить в ряды мунгов, Галина с Мариной тут же согласились делать всё, что скажет им этот странный, давно уже мёртвый, а оттого несъедобный человек.

– У меня уже есть Бойцы, – с тревогой в голосе произнесла Карина Петровна.

– Просто воспитайте их. Временно поселите где-нибудь. Объясните правила существования в человеческой шкуре и в нашей организации. У вас, я знаю, неуправляемый трёхлетний внук, и вы с ним отлично ладите. Потом найдём им другую команду.

Неуправляемые трёхлетние старухи довольно быстро осваивали жизнь в новом обличье, так что вскоре их действительно перевели в другую команду, после гибели которой они попали под крыло к Даниилу Юрьевичу. И если о том, что сёстры Гусевы хотят поймать и извести Студента, знала вся Тринадцатая редакция, то про их ненависть к Коле и Мише не подозревал даже Даниил Юрьевич: Кастор просто забыл это рассказать, а сами сёстры помалкивали, только принохивались внимательно каждый раз, когда выходили на улицу.

От Трофима Парфёновича они знали, что их враги были изгнаны из рядов шемоборов и доживали свой век обычными людьми, причём старались этот век продлить всеми возможными средствами, потому что после смерти их ожидало возмездие. А отчего бы при случае не приблизить к ним это самое возмездие? Галина с Мариной долго тренировались: теперь, несмотря на человечье обличье, они смогут перегрызть им горло, не пользуясь никакими искусственными когтями и клыками.

Старухи были неприятно удивлены тем, что дикие крысы – их ближайшая родня – не понимают домашних крыс и относятся к ним с некоторой настороженностью. Но спасение их от самопровозглашенных царей природы, а вернее было бы сказать – от её диктаторов – они всё равно считали своим долгом, и во всех конфликтах людей с крысами становились на сторону серой родни.

Настоящий шемобор может жить где угодно: в роскошном пентхаусе, в старинном замке, в бунгало на берегу океана, в квартире, выходящей окнами на главную городскую достопримечательность. Конечно, в тяжёлые годы можно перебиваться номерами люкс в лучших городских отелях, но рассказывать об этом коллегам не стоит: засмеют, перестанут здороваться и откажутся принимать за своего.

Странное место, в котором оказался Дмитрий Маркин после того, как учитель Эрикссон уволок его за грехи в ад, не походило на номер люкс. Да, здесь было тепло и сухо, даже, может быть, слишком сухо. От этой сухости шелушилась кожа, контактные линзы, с которыми никогда не было никаких проблем, натирали глаза, губы сохли, першило в горле. Но если становилось совсем невмоготу, можно было выйти в коридор, освещённый тусклой лампой дневного света. По правую руку располагалась каморка, в которой находился исправный душ – под ним можно было нежиться целую минуту, потом вода заканчивалась. По левую руку располагался туалет. Там была и дверь, запирающаяся на крючок, и раковина, и зеркало, и даже туалетная бумага. Других дверей не было. Коридор уходил куда-то вдаль, заворачивал и снова продолжался, но Дмитрий не мог туда попасть: невидимая стена не позволяла ему передвигаться

дальше, чем это необходимо. А ведь там, за поворотом, день и ночь гудит какой-то конвейер, иногда раздаются людские голоса. Один из этих людей (а может быть – нелюдей) приносит ему пищу, но в разговоры не вступает и не реагирует даже на оскорбления. Один раз Дмитрий Олегович попробовал – исключительно эксперимента ради – надеть ему на голову тарелку с холодными макаронами, после чего пришёл в себя только на следующее утро, а пошевелить дерзновенной правой рукой смог только через десяток приёмов пищи. Смена дня и ночи в этом подвале отсутствовала, часов господин Маркин отродясь не носил, а мобильный телефон и прочие электронные игрушки у него отобрали на входе. У него вообще всё отобрали, спасибо, что хоть оставили какую-то одежду и подушку с одеялом выдали. Но всё это было не больно, не обидно, а главное – не смертельно. Просыпаясь каждое утро в своём закутке, Дмитрий Олегович думал: вот, и сегодня я живой. А мог бы быть мёртвым уже неделю (две недели, ещё больше недель). Это его воодушевляло.

Утро начиналось, как правило, с появления Эрикссона. Он мог возникнуть в комнатухе в любой момент. Более того, он, вероятно, всегда находился и в ней, и везде, так же как и другие шемоборы второй ступени. В какой-то момент пленник даже понял, как это у них получается. Если исхитриться и просунуть руку сквозь все три измерения, то можно дотянуться до руководящего состава. Принесёт ли этот поступок пользу, а главное – не последует ли за ним мгновенное повышение по службе, Дмитрий не знал, поэтому старался даже не думать в этом направлении. Всё-таки сидеть в тёплом застенке, не имея возможности выйти на воздух, понять, какое там время года и время суток, не так уж плохо. Свобода – даже полная, абсолютная, нереальная свобода второй ступени – не сравнится пока с удовольствием каждую секунду ощущать своё тело, дышать, облизывать пересохшие губы, потягиваться до хруста в суставах и даже вскакивать на ноги при появлении Эрикссона.

Учитель, равно как и прочие Зелёные хвосты, занимался предотвращением и расследованием преступлений, совершённых шемоборами, а негодного предателя-ученика он приспособил для скучной, но не менее важной работы: подбирать провинившимся соответствующие посмертные наказания. Каждый преступник должен получить после смерти то, чего он больше всего боялся, избегал, ненавидел при жизни, и ровно в таком количестве, чтобы пробрало как следует, но не перевесило меру его преступления.

Дмитрий Олегович получил нечто вроде временного допуска к всемирному информаторию, а вернее будет сказать – к той его части, где хранились досье на всех шемоборов мира. Впрочем, большинство ячеек этого информатория было для него закрыто. Стоило ему только проявить интерес к посторонним жизням, как та же невидимая стена, что перекрывала коридор, возникала перед его мысленным взором, и волей-неволей приходилось возвращаться к

своим делам. Видимо, там, за пределами третьего измерения, такие вещи можно регулировать легко.

Лежа на своём топчанчике в углу, он изучал биографии бывших коллег. Ничего неожиданного: родился, жил, с детства выделялся умом и стремлением к обособленности, встретил учителя, стал шемобором, подавал надежды, демонстрировал успехи, в какой-то момент шагнул в неправильном направлении. Жил дальше, умер, теперь должен быть наказан.

Дмитрию Олеговичу стало казаться, что ни один шемобор не проживает жизнь безгрешно: обязательно где-нибудь, да оступится. Иные по сравнению с ним самим были просто невинными младенцами: подумаешь, сфальсифицировал пару договоров, чтобы полгода понежиться на пляже, наслаждаясь счастливым ничегонеделанием, тьфу, – мелочь какая. Отправить его на эти же самые полгода в ледяную полярную ночь и сказать, что это – навсегда, и будет с него. Или вот, например, эта фифа – закрутила роман с носителем и чуть ли не за ручку отвела его к мунгам. Потому что полюбила, ах, что вы говорите! Покажите ей двухнедельное кино о том, как этот якобы спасённый носитель изменял ей, лгал, смеялся над ней за глаза, тем более что всё это действительно было.

– Послушайте, зачем вы тащите мне дела всех грешников, начиная с Сотворения мира? – взмолился Дмитрий Олегович, когда вместо благодарности за очередное прекрасно выдуманное наказание Эрикссон подсунил ему истории ещё парочки нарушителей. – Я и не знал, что на свете существует столько шемоборов! Вернее, не существует.

– И существует, и не существует, и будет существовать, – неопределённо произнёс Эрикссон. – Видишь ли, нам ещё никогда не удавалось привлечь к этой работе живого человека, мелочного, мстительного и жестокого.

– Это вы обо мне сейчас? – догадался Дмитрий Олегович.

– Ну а о ком же ещё? Мы-то сами, как оказалось, очень многое упускаем, потому что смерть – это хорошее мерило ценности всего. Но к наказаниям с этим мерилом подходить нельзя: тут важна каждая мелочь, а ты как раз всё принимаешь во внимание, умничка. Вот мы и стараемся, набираем наказания впрок. Те ребята, которых ты будешь сейчас изучать, уже успели набезобразничать, но повышать их пока не спешат.

– Может быть, я отдохну, а? А когда они повысятся – тут же придумаю, чем их занять, чтобы больше не баловались.

– Не пойдёт, – покачал головой Эрикссон, – кто знает, сколько ты ещё протянешь.

– В смысле? – насторожился Дмитрий Олегович.

– В том самом, – хищно улыбнулся Эрикссон. – Так что работай, работай. Каждый жестоко, но справедливо наказанный негодяй уменьшает тяжесть твоей вины. На вот столечко, но уменьшает. Так что не отлынивай.

Дмитрий Олегович и не отлынивал. Придумывал хитроумные ловушки и капканы для других, а в свободное от работы время (за завтраком, обедом и ужином, а ещё перед сном) размышлял над тем, что же может пронять его самого – кроме, разумеется, смерти как таковой. При этом он прекрасно понимал, что не уйдёт от наказания и ему тоже со временем придумают что-нибудь этакое, от чего всю его невозмутимую самоуверенность как рукой снимет, – и будет он маленьким, жалким, никчёмным, молящим только об одном – о прощении и о возможности заново родиться с чистой совестью и стёртой памятью. В свободное от работы время этот выдумщик изобретал кошмары и ужасы, которые могли бы его сломать, тестировал их на себе, прокручивал в голове, не подозревая, что это и есть часть возмездия. Таким образом, он был уже многократно и разнообразно наказан, наказан собой же, и всё никак не мог угомониться. Эрикссону эта ситуация особенно нравилась, да и с работой негодяй справлялся прекрасно – что ещё, спрашивается, надо?

Иногда Дмитрий Олегович исполнял обязанности координатора между миром живых и миром мёртвых. Зелёные хвосты, помимо наказаний и расследований, занимаются ещё и неко-

торыми научными исследованиями – исключительно, как признался Эрикссон, ради собственного удовольствия. Многие разработки требуют длительной подготовки, проведения целой серии однообразных унылых опытов и снятия всевозможных проб, которые можно без особых проблем отдавать на землю, обычным людским исследовательским центрам, готовым за деньги исполнять любую скучную работу. Это ведь только после смерти по-настоящему учишься ценить своё время, хотя времени-то как раз становится хоть отбавляй. Так или иначе, но с людскими исследователями нужно вести переписку, приглядывать за бухгалтерией, перезваниваться. Кому поручить эту не слишком увлекательную работу? Правильно, рабу бесправному, Дмитрию Маркину недостойному. Так что недостойный покорно координировал всё, что ему велели, и в награду даже получил пижаму.

Ингвар Эрикссон, поначалу всерьёз мечтавший довести предателя до нервного, а заодно и физического истощения и поглядеть, как он полезет на стенку, желательно – невидимую, которая поперёк коридора стоит, как-то внезапно понял, что не испытывает по отношению к бывшему ученику никаких отрицательных эмоций. Они хорошо работали вместе – вот, пожалуй, и всё. Смерть и в самом деле главное мерило всего.

В один прекрасный день, когда Эрикссону удалось разобраться в мотивациях двух закоренелых негодяев, он увлёкся настолько, что даже решил похвастаться перед Дмитрием своим достижением и приоткрыл перед ним несколько дополнительных ячеек информатория. Кажется, он перестарался. Своими глазами увидев и даже косвенным образом почувствовав радость и азарт учителя, недостойный ученик попробовал заглянуть туда, куда прежде путь ему был заказан. Он с удивлением обнаружил, что некоторые замки поддаются и двери распахиваются. Он мельком убедился в том, что Джордж сдал его в рабство Эрикссону с единственной целью: спасти от смерти, – а затем ради интереса решил ознакомиться со своим собственным досье.

Сначала это было похоже на документальный фильм: Дмитрий Олегович сел прямо на пол, прижался спиной к тёплой шершавой стене и начал «вспоминать» себя, перемещаясь по этим воспоминаниям в произвольном направлении. Постепенно он наткнулся на те воспоминания, которых у него на самом деле не было.

Его родители, Алла Николаевна и Олег Борисович Маркины, были очень хорошими людьми, просто удивительно, как им удалось вырастить такого сыночка. У них не было друг от друга тайн и секретов, они даже думали в унисон. Единственное, о чём каждый мечтал втайне от другого, – так это о ребёнке. Понимая, что природа, видимо, решила иначе, и не желая мучить любимого человека разговорами о несбыточном, каждый нёс это желание в сердце, пока желания не доросли до состояния заветных. Два носителя одного желания – это сильно. И это ярко. На него слетаются все окрестные шемоборы и мунги и, опережая друг друга, стараются исполнить как можно быстрее. Неважно, кто победит, – исход этого соревнования уже заранее

предреши: ребёнок появится на свет очень скоро. И будет это непременно мунг или шемобор, которому по какой-то причине надо заново появиться на этом свете. Ну вот, скажем, поступил он в прошлый раз плохо, дурно поступил, затем умер, расплатился по счёту и хочет всё начать с начала, чтобы не маячили у него на внутреннем горизонте эти наказание и преступление.

Дмитрий Олегович усмехнулся. Вот, значит, как оно было: он уже жил однажды, сделал что-то ужасное, был за это наказан и попросил дать ему ещё один шанс, и что же? – вот он снова сделал что-то ужасное, и непонятно ещё, как его накажут и сколько раз уже повторялась эта история.

Будущие родители, подписывающие договор с шемоборами, повторяют подвиг многочисленных сказочных героев, готовых отдать Бабе-яге или Кощею «то, чего дома не знаешь». Душу у них никто не требует в залог – не тот случай. А вот обещание вырастить, а затем беспрекословно передать «сотрудникам соответствующей организации» долгожданного ребёнка с них берут. Маркины-родители, не сговариваясь, заявили искителю: «А вот ребёнка вы получите только через мой труп».

Дмитрий Олегович вздрогнул, ударился затылком о стену и моментально вылетел из информатория. Он стал шемобором сразу после смерти родителей, которые умерли в один месяц. Значит, их убило его решение стать учеником Эрикссона. В самом прямом смысле слова убило: удар, молния и – тишина.

И тут Дмитрий Маркин заплакал. Он конечно же не зарыдал в голос, не принялся кататься по полу, рвать на себе волосы, он даже не переменял позы и не издал ни звука. Просто на щеках его появились две блестящие полоски.

Он сидел, глядя прямо перед собой, чувствуя, как эти слёзы своевольно и бесцеремонно катятся по его лицу, и, помимо тоски и горя, которых он не ощутил, когда узнал о смерти родителей, но сполна отведал теперь, испытывал ещё некоторое облегчение, граничащее с радостью, а может быть, даже просветлением. Он плачет, ему стыдно, ему плохо, понимаете? Он умеет чувствовать. Он не робот, не зомби, не инопланетянин, не гомункулус, а обычный человек.

В детстве – где-то лет до пяти – Дима был уверен в том, что он – приёмный сын в своей семье. Он даже сочинил историю о том, что у мамы был брат, а у папы – сестра. И вот эти брат и сестра родили его, Димочку, и умерли. А мама с папой решили воспитать сиротку. Родительскую чуткую, сдержанную привязанность к нему и друг к другу он поначалу принимал за холодную отстранённость. Но уже к восьми годам сообразил, что ему повезло с родителями. Они его любили таким, какой он был, и не требовали от него ничего, не пытались лепить его жизнь по своему образцу, а просто всегда шли рядом и готовы были в любой момент прийти на помощь. Диме с детства разрешалось всё, поэтому он не совершил многих глупостей. Например, тех, что совершают из чувства протеста. Ему было незачем протестовать. Когда он начал курить, родители это молча приняли. Когда сдружился с Джорджем, которого отец как-то назвал «представителем чуждого класса», они это тоже приняли. Хотя если уж говорить совсем честно, то Димины дружба с «сыном Соколова» вызвала у Маркиных-старших пусть тихое, но всё же регулярно демонстрируемое недовольство. Наверное, поначалу парень общался с «представителем чуждого класса» только из чувства противоречия, которое ему наконец-то дали возможность проявить. Только потом оказалось, что Джордж – хороший друг и совсем не дурак похулиганить, да и вообще не дурак. А потом они рассорились. Через год после этой ссоры, до отъезда сына в Москву, семья Маркиных жила, будто стараясь подарить друг другу как можно больше хороших воспоминаний. И сейчас все эти воспоминания, без всякого информатория, дающего почти полный эффект присутствия, окружили Дмитрия Олеговича: каждый семейный ужин, каждый разговор, каждый воскресный бокал вина, каждая прогулка по летнему, зимнему, осеннему, весеннему скверу, каждая партия в преферанс словно вернулись к нему, чтобы строго спросить: «Ну и зачем ты прервал всё это, зачем пошёл в шемоборы?»

Когда Эрикссон появился из ниоткуда, чтобы загрузить своего помощника очередным любопытным делом, он обнаружил, что этот ротозей отлынивает от работы: сидит на полу, прижавшись спиной к стене, смотрит сквозь предметы, дышит медленнее обычного и вот-вот рассыплется на тысячу ледяных осколков. Пара оплеух – вполне чувствительных и болезненных – быстро привели бездельника в чувство.

– Не придумал ничего интереснее, чем прочитать собственную героическую биографию? – сварливо спросил учитель.

– Они, значит, меня породили, а я их убил? И вы знали с самого начала?

– Чего-чего? А, ну да. – В голосе Эрикссона проскользнуло недоверие, потом – притворство.

– Или нет? – с нажимом спросил ученик.

– А ты разве не прочитал договоры как следует? – удивился тот. – Сидел, ловил ртом рыбу и толком ничего не узнал? Кажется, я зря тебя расхваливал, ох, зря.

– Вы? Меня? Расхваливали? Не припомню что-то.

– Да за глаза, конечно. Чего тебя так-то хвалить, ты вон и без того наглый. Но ты в самом деле так хорошо изобретаешь наказания, мой друг, что я подумываю сдавать тебя в аренду смежникам.

– Исполнять наказания? Увольте. Палачом быть не желаю! – гордо отвечал Дмитрий Олегович и тут же примолк: после таких слов вредный шемобор мог нарочно отправить его именно в палачи.

– Об этом мы тоже подумаем, – хищно ухмыльнулся Эрикссон, – но нет. Видишь ли, после смерти всем нашим клиентам надо находить подходящее занятие. Не все же, подобно тебе, ничтожному, заслужили наказание. Кто-то ведь и честно живёт, знаешь ли. Таким ребятам иногда не удаётся найти идеальную работёнку после смерти, и они вроде бы и приятным делом занимаются, но всё же не тем, которому готовы посвятить вечность. Ты мог бы помочь им.

– Загробный хэджантинг! – восхитился Дмитрий Олегович. – Могу попробовать, если хотите. Результат не гарантирую. Но это что же получается, что поговорка «Отдохнём на том свете» не имеет под собой никаких оснований?

– Конечно, не имеет. Почти все поговорки про смерть таковы.

– Насчёт поговорок не спорю. Но зачем нужно вкалывать даже после смерти? К чему эта суета, недостойная вечности?

Эрикссон выразительно хмыкнул и смерил ученика взглядом, полным такой ядовитой нежности, что Дмитрий Олегович запоздало прикусил язык. Но было конечно же поздно.

– Видишь ли в чём дело, мой маленький специалист по вечности... Если оставить нас без интересного занятия, отнимающего весь... ну, скажем так, эквивалент силы, помноженный на эквивалент свободного времени... то мы начнём творить идеальные миры.

Дмитрий Олегович недоверчиво взглянул на учителя: готовится очередная порция ментальных колотушек? Но нет. Вместо этого на столе перед ним возникли бутылка виски (односолодового), книга «Братья Карамазовы» (Ленинград, 1978 год издания) и беруши. «Напиться, заткнуть уши и почитать, например, Достоевского – вот и всё, что мне надо для счастья», – часто мечтал в последнее время Дмитрий Олегович.

– Я подарю тебе немного счастья. Всё-таки когда-то исполнение желаний было моей профессией, – пообещал Эрикссон, и в тот же миг бутылка, книга и первоклассные затычки для ушей исчезли. – Но сделаю это лет через десять, не раньше. А пока постарайся поверить. Хорошие парни и девушки, ну те, которые при жизни не травили своих учителей, после смерти отправляются в некий ничем не ограниченный отпуск. Они могут увидеть арктические снега и африканские пустыни, посетить одноэтажную Америку или пятиэтажную Россию, рассмотреть гробницы ацтекских вождей и заброшенные города в джунглях, подняться на вершину

японского небоскрёба, спуститься в жерло вулкана или на дно морское, побывать на каком угодно представлении и понять любой язык, увидеть шедевры, спрятанные в самых надёжных хранилищах...

Словом, есть, где разгуляться, как вы любите говорить. Можно оказаться где угодно, силой мысли переместив себя даже туда, куда на самом деле попасть невозможно. Можно вообразить себе мир, идеальный, любой, в мельчайших подробностях, немедленно в нём очутиться и населить приятными людьми.

– Пока не вижу ничего чудовищного, – не удержался от комментария «маленький специалист по вечности».

– Это пока, – отрезал Эрикссон. – Не велика доблесть – идеальный мир себе сотворить, а ты попробуй сделать этот мир герметичным. На такое способны только мастера не ниже пятой ступени. А им, как мне рассказывали, никакого дела до идеальных герметичных миров уже нет. Ну а если идеальный мир не удалось закупорить, то в него обязательно просочится какая-нибудь посторонняя жизнь. Ветер песчинку занесёт, прорастёт травинка, корнями раздвинет стенки идеального мира, и вот уже в него бегут крысы, тараканы и ящерицы, так что вскоре становится непонятно, что тут создано силой мысли, а что зародилось само. Как ты знаешь, мы, мёртвые, не имеем права причинять зло живым существам. И они этим пользуются: обрастают шерстью, когтями и клыками, выбирают на сушу и заявляют о своих правах. Тогда остаётся одно: менять место. Забирать с собой самых любимых и самое желанное и удирать, предоставляя мир самому себе. А это безответственность – кому-то ведь всё равно придётся разгрести этот свинарник, поэтому новичков за идеальные миры наказывают. Так что лучше уж пускай вторая ступень занимается любимым делом, чем так. И поможешь им – ты!

– А мои родители... – начал было Дмитрий Олегович.

– Забудь про это! – приказал Эрикссон. – Я понимаю, где находится то самое «не моё дело», в которое не стоит лезть. И не лезу в него. Не знаю я ничего про твоих родителей, кроме того, что... ты их... Но тебе повезло, в самом деле тебе повезло. Мы сейчас отправимся туда, где ты очень давно не был, но страстно мечтаешь побывать. А я, напротив, был только что и не стремлюсь попасть снова.

– Звучит заманчиво, – потянулся Дмитрий Олегович. – Неужели мы с вами вот прямо сейчас отправляемся в бордель?

– Хуже. Гораздо хуже. Мы отправляемся в твой родной город.

– Я, что ли, свободен? – недоверчиво спросил ученик.

– Нет, конечно. Будем искать тех двоих, которые ещё живы, но уже почти готовы к повышению.

– А какой мне с этого интерес?

– Да почти никакого. Кроме того, что договоры с твоими родителями подписывал один из этих ребят. Так случайно вышло.

Константин Петрович вбежал в приёмную и набросился на Наташу. По его словам, вышло, что она только что всё испортила и теперь из-за её халатности мир находится на грани гибели. Наташа уже пару раз наблюдала господина начальника в таком состоянии, поэтому даже спорить не стала, хотя прекрасно знала, что ругать её не за что, с миром всё в порядке, да и у Тринадцатой редакции дела обстоят весьма неплохо.

– Ты меня вообще слышишь? – строго спросил Константин Петрович.

Наташа неторопливо поднялась, подошла к нему и, не говоря ни слова, обняла сурового руководителя. Тот вздрогнул, как будто его ударили, и сделал пару вялых попыток вырваться, но Наташа не обратила внимания на эту остаточную рефлекторную нервную деятельность и погладила его по голове.

Постепенно Константин Петрович успокоился и затих. Так они и стояли посреди приёмной – может быть, две минуты, а может быть, несколько веков. Даниил Юрьевич незаметной тенью проскользнул в свой кабинет и (хотя повод был незначительный) установил около каждой двери, ведущей в приёмную, небольшой барьер. Некоторым ситуациям не надо слов, не надо свидетелей, им надо просто дать возможность происходить так, как они пожелают.

Почувствовав, что коммерческий директор пришёл в себя, Наташа отступила на шаг назад, оглядела его одобрительно и вернулась на своё место.

– Я вас не обидела? – осторожно спросила она. Всех, кроме Даниила Юрьевича, Наташа называет на «ты», а насчёт Константина Петровича сомневается и каждый раз решает этот вопрос заново. Сейчас, определённо, наступило время «вы».

– Извини, это я, конечно, не прав, – помотал головой Цианид и изобразил, будто бы он стирает с доски всё, что было написано раньше. – Давай забудем то, что я сказал, хорошо?

– Уже забыла, – улыбнулась Наташа.

– Какая же ты хорошая, – вздохнул Цианид. – А я так давно не был у бабушки. Только бабушка умеет обнимать меня так, что голова сразу встаёт на место. Ну, вот как ты сейчас. Я стоял и думал: всё, в субботу беру у шефа машину и еду к бабуле в Пушкин. Живу практически рядом, но вот то, что к ней на электричке надо ехать, меня из себя выводит. Вечно в вагоне сидят какие-нибудь гопники и гогочут. Да. А ещё я боялся, что вот сейчас вбежит Лёва и устроит бойню. Прости... Я ведь к шефу шёл, а тут на тебе сорвался. Ты не обиделась? Ну, насчёт сравнения с бабушкой?

– Да нет, конечно. Я бы обиделась, если бы Лёва вбежал и всё испортил. Мы же обнимались совсем не про это.

– Какая же ты мудрая, какие же мы тут все иногда дураки бываем, – покачал головой Константин Петрович и просветлённо пошёл к Даниилу Юрьевичу.

«Иногда! – подумала Наташа, провожая его взглядом. – От комплекса неполноценности тут никто не помрёт!»

Тем временем шеф автоматически снял барьеры со всех дверей, ведущих в приёмную, даже не задумываясь и не прислушиваясь к тому, что там происходит, а просто руководствуясь своими ощущениями.

– Жертвы, разрушения, заявления об уходе уже есть? – не отрываясь от монитора, спросил он у тихонечко вошедшего в кабинет Константина Петровича.

– Вы всё слышали?

– Нет, я был занят, но надеюсь услышать от тебя, в подробностях.

– Мне надоело быть ещё и всеобщей нянькой. Почему считается, что все имеют право быть живыми людьми, и только я – каменный истукан бесчувственный, думающий исключительно о работе.

– Ты ведь сам хочешь, чтобы тебя так воспринимали.

– Нет... То есть так, но...

– Но ещё ты хочешь, чтобы я тайком от всех утирал тебе сопли. Я готов. Носовой платок, размером с театральные занавес, ждёт тебя. Садись рассказывать.

Константин Петрович присел на краешек стула, положил левую руку на стол, будто бы клянясь таким причудливым способом говорить правду и ничего, кроме правды, и начал рассказывать.

Обычно сотрудники Тринадцатой редакции идут к Даниилу Юрьевичу с самыми неразрешимыми вопросами. Когда же дело не требует решения, или решение очевидно, но хочется об этом поговорить, они отправляются к заместителю шефа. Константину Петровичу это даже льстит. Во всяком случае, ещё совсем недавно льстило. Но на этот раз то ли что-то прогнило в мировой системе верёвочек, то ли коллеги нарочно сговорились вывести его из себя.

После обеда к нему в кабинет заглянула Наташа и попросила разрешения прийти завтра на работу немного попозже, потому что у неё возникли проблемы в институте. Оказалось, что какой-то преподаватель – злобный и желчный тип, и, возможно, ещё и женоненавистник, – не читая, вернул ей курсовую и заявил, что ему и так всё ясно: курсовая написана кем-то другим, потому что такие смазливые девчонки сами никогда ничего не делают. Им некогда – они ходят к маникюрше, в солярий и на дискотеку. Константин Петрович предложил было позвонить в деканат и потребовать, чтобы преподавателя как-нибудь урезонили, но Наташа сказала, что уже сама решила эту проблему и завтра утром будет писать заявление о переводе в другую группу, просто ей обидно и хочется кому-нибудь пожаловаться. Ну, знаете, выговориться иногда бывает необходимо.

Через полчаса после того, как выговорившаяся на две недели вперёд Наташа удалилась, явился всклокоченный Лёва. Он объявил, что увольняется, прямо вот с этой же минуты, и просит только об одном – научить его писать заявление по собственному желанию в максимально ядовитом духе. Оказалось, что пиар-директор «Мегабука» встал сегодня не с той ноги и организовал питерскому сотруднику внеплановую и незаслуженную выволочку.

– Он разговаривал со мной как с зелёной эвгленой! Как с одноклеточным! – орал Лёва.

– Он со всеми так разговаривает, – попробовал утешить его Константин Петрович.

– И с тобой? Скажи, с тобой тоже?

– Со мной он вообще не разговаривает. Я ещё, по его представлениям, не развился даже в одноклеточное.

– Ну, если та-ак...

– Именно так. А для тебя, дружище, у меня есть одно дело.

После того как Лёва, озадаченный интересным и трудным делом, удалился его исполнять, на прощание пообещав не увольняться и не бузить, появились сёстры Гусевы.

– Неужели и их тоже кто-нибудь обидел? – удивился Даниил Юрьевич.

– Вроде того. Их уже третий день подряд заливают соседи.

– И они наконец-то не выдержали и зарезали всех вокруг, включая тех, кто живёт этажом ниже, и спасся только Денис, потому что был в этот момент на внеочередной пробежке?

– Не так всё просто. Они в самом деле пошли к соседям разбираться. И финки прихватили, автоматически, как я понимаю. Но оказалось, что соседей тоже заливают. А тех соседей – тоже. Словом, во всём виновата труба, которую должен чинить ЖЭК.

– И наши доблестные бойцы отправились в ЖЭК...

– Ну да. А там оказалось, что фирма, которая занимается обслуживанием этого дома...

– Словом, никто ни за что не отвечает, кругом бюрократия, и некого даже для успокоения совести прирезать? – заключил Даниил Юрьевич.

– Что-то вроде. Поэтому мне пришлось выслушать всё, что они думают по этому поводу. А когда я во внутреннем чате поменял иконку настроения на «очень злой», явился Виталик и начал меня веселить. Он требовал, чтобы я немедленно сорвал зло на нём, а не на ком-нибудь ещё, потому что он специально пришёл пожертвовать собою, – словом, чтобы его заткнуть, я сделал вид, что мне очень весело, и выставил его за дверь. А он помчался по коридору, выкрикивая что-то вроде: «Лучшее средство от плохого настроения – Виталий Петров, спрашивайте в аптеках города». Тут мне остро захотелось сказать Марине с Галиной, что это именно он виноват в том, что их заливают соседи.

– И всё это время ты сам очень хотел пожаловаться кому-то на то, что тебя тревожит, но всех волновали только их собственные проблемы, – понимающе кивнул Даниил Юрьевич. – Ну а теперь, когда ты передал весь груз чужих проблем мне, может быть, разнообразия ради, уйдёшь с работы пораньше? Мне рассказывали, и я даже смутно припоминаю из своего прежнего опыта, что если лечь спать и уснуть, то наутро уже большая часть проблем станет делами минувшего дня, а то, что останется, разрешится как бы само собой.

– Я не могу спать. Вернее, могу, но глубокой ночью, когда становится понятно, что писем и звонков из Парижа сегодня не будет.

– Могу подсказать тебе чудесный рецепт. Когда ждёшь письма или звонка из Парижа – позвони или напиши сам. Возможно, там тоже ждут их от тебя.

– Я не могу, – покачал головой коммерческий директор и вытащил из кармана записную книжку, – вот, смотрите. Я уже отправил ей на три письма и на две SMS больше, чем она мне, кроме того, последний звонок также был с моей стороны, следовательно...

– Ну если так, – развёл руками Даниил Юрьевич, – то пойдёшь и просто прогуляйся. Забудь об этих письмах и звонках, они только того и ждут, чтобы поскорее напомнить о себе.

– Я пробовал забыть. Не забывается, – еле слышно прошелестел Константин Петрович, спрятав в карман записную книжку и поднялся с места.

Для того чтобы успокоить Лёву и вернуть его из агрессивного-деструктивного в рабочее-созидательное состояние, нет ничего лучше сверхурочной работы. Константин Петрович это качество хорошо знает и всегда использует в интересах общего дела. Поэтому, вместо того чтобы писать заявление об увольнении, Лёва отправился на поиски Вероники. Нужно было всего ничего: сделать ей экстремально хорошо, ну или хотя бы просто хорошо, разогнать тучи, вернуть в Северное полушарие весну, в Южное – осень, а в сердца людей – умиротворение и радость.

Всякая работа была для Лёвы непримиримым врагом, поэтому он стремился поскорее его уничтожить. Получив задание – любой сложности, в любое время дня и ночи, – он тут же кидался его выполнять. «Я перехвачу её по дороге! – элегантно сообщил он Константину Петровичу. – Давай-ка сюда жетон на метро за счёт компании!» «Она не ездит на метро, – потирая руки, сообщил Константин Петрович, – обойдётся без жетона, тем более, ты ещё за три предыдущих не отчитался!» Лёва бы ударил его, вот ей-богу, ударил, уже почти руку занёс, но зловредный Цианид, почуяв угрозу, немедленно выложил на стол все карты, так что Лёве стало не до него: работа звала за собой, а работа – куда более серьёзный враг, чем этот жалкий скряга. Узнав, что Вероника ездит на автомобиле, героический Разведчик выволок из подвала трофейный велосипед «Кама» – и только их и видели.

Велосипед ещё осенью выкинули на помойку рабочие, ремонтировавшие чью-то квартиру. Велосипед и вправду был никуда не годен, но Константин Петрович сказал, что рано или поздно мода на двухколёсный ретротранспорт вернётся и вот тогда можно будет хорошенько заработать на этой развалине. Ретровелосипед несколько месяцев занимал место на складе, сёстры Гусевы то и дело порывались его разобрать на запчасти и запихать Цианиду за шиворот или даже скормить ему на обед. Но тут, во время одного из своих традиционных ночных бдений, на велосипед случайно наткнулся Гумир. Что-то у него в очередной раз не ладилось с программой, и он, чтобы отвлечься, притащил из своей комнаты инструменты и починил велик. Даже переключатель скоростей ему добавил. Как ему это удалось – он не помнит, потому что ближе к концу работы этот гений отчётливо понял, что именно он до сих пор делал не так и как это «не так» можно исправить. Оставил и велосипед, и инструменты там, где они выпали из его вмиг ослабевших рук, и помчался усовершенствовать своё детище.

«Вот, – торжествуя, сказал Константин Петрович, когда велосипед был обнаружен, – теперь, если кто-нибудь захочет поехать по делам, можно будет взять и поехать. И на бензин тратиться не надо».

В ожидании тёплых дней, когда на нём будут ездить по делам, велосипед стоит на почётном месте в подвале. Иногда Наташа, Шурик и Денис тайком катаются на нём по складу, причём держат это в тайне и от сестёр Гусевых, готовых порвать любого, кто без их ведома потревожит на складе хотя бы пылинку, и от Константина Петровича, который считает, что если силы есть на развлечения – то надо работать!

Лёву тоже зовут кататься, но он неизменно отвечает, что если ему хочется размяться, то он закуривает и ходит туда-сюда по кабинету, а если хочется размяться ещё интенсивнее – то идёт и чистит кому-нибудь лицо.

Обгоняя автомобили, застрявшие в пробках, Лёва мчался по проезжей части, перепрыгивал через сугробы, сканировал местность зорким взглядом, пока не пристроился в хвосте Вероникиного авто. Машины двигались медленно, водители курили и слушали музыку, в какой-то момент Лёве показалось, что он сейчас замёрзнет и угодит под колёса заскучавшего в пробке

автобуса – свалится от бездействия, но тут Вероника неожиданно свернула в узкий переулок, проехала насквозь пару дворов и припарковалась возле рынка. Лёва швырнул велосипед в ближайший сугроб и возликовал: где же ещё заводить знакомство с такой девушкой, как не на рынке! Сначала он поможет ей дотащить сумки до машины, потом...

Лёва шагал мимо фруктово-овощных россыпей, стараясь не терять Веронику из виду, и твердил про себя главное заклинание: «У меня был роман с баскетболисткой!»

Эта волшебная фраза позволяла ему всегда чувствовать себя на высоте в обществе молодых девушек.

В девятом классе, когда все ребята в их компании обзавелись хотя бы номинальной дамой сердца, Лёва стал стремительно терять популярность. Девушки у него не было, потому что все главные красавицы школы давно уже были заняты, а на прочих он и смотреть не желал. Впрочем, оставалась ещё одна миловидная, но почему-то не пользующаяся спросом девушка: она играла в городской сборной по баскетболу, занимала призовые места, и мальчишки всегда относились к ней не иначе, как к хорошему парню. Лёва решил приударить за баскетболисткой, а затем организовал и провёл блистательный ребрендинг своей подружки. Уже через месяц она взлетела на вершины школьного хитпарада, ещё через пару месяцев забросила баскетбол и записалась в модельное агентство, а через полгода рассталась со своим пиар-менеджером, потому что у неё как-то вдруг сразу появилось много взрослых и солидных ухажеров. Впрочем, Лёву это не очень расстраивало, потому что он мог теперь сделать популярной любую девчонку в школе, и они, зная об этом, окружили его неслыханной любовью и вниманием, даже дрались из-за него пару раз. К сожалению, этот ажиотаж наскучил ему уже к одиннадцатому классу, так что с тех пор Лёва обращает внимание только на тех девушек, которым от него ничего не надо – вроде Наташи, например. А ещё, когда кто-нибудь пытается смотреть на него свысока, он несколько раз мысленно повторяет заветную фразу: «У меня был роман с баскетболисткой!» – и это работает.

Впрочем, Вероника до сих пор ни разу не посмотрела на Лёву: ни свысока, ни на равных, ни даже снизу вверх. Она неторопливо пробиралась между лотками, кивала в ответ на приветствия знакомым продавцам, выбирала продукты. «Наверное, – подумал Лёва, когда Вероника надолго застряла перед очередным прилавком, – я выгляжу подозрительно. Хожу тут, ни к чему не прицениваюсь, ничего не покупаю. Ещё примут меня за инспектора, начнут дары подносить, а в это время она как раз возьмёт и уедет. А дары нельзя будет побросать, придётся за них благодарить, и что я буду делать с этими дарами? Всё, что надо, я и сам себе куплю».

В последний раз Лёва был на этом самом рынке в компании Виталика – Наташа попросила помочь ей с продуктами для праздничного деньрожденного стола, вот они и расстарались. Ходить по рынку с Виталиком – это одна сплошная мука. «Ой, что это у вас в бидоне? А как это сделано? Вот прямо так вот? Здорово! А дайте попробовать! Мне, правда, не очень-то надо. Ну заверните чуть-чуть. Вау, какие тут стоят красавицы! Надо посмотреть, что они продают. Конечно, я люблю виноград. С эстетической точки зрения. Сейчас посмотрю немного на виноград и пойду смотреть на ананас. Кто орёл, я – орёл? Сдачи не надо! Дайте всё, что есть, на все деньги! Ну и что я теперь буду делать с этой кинзой? И с этой аджикой? И с этими финиками? А вы всё врете, это у вас не кальмар. Кальмар маленький, сушёный и живёт в пакетике. Скажите, а вот эту капусту вы привезли из Кореи или вырастили здесь? О, сметанка! У нас в списке она есть! Дайте-ка попробовать. Кисло. А у вас? Жирно. А у вас? Сладко. А у вас? Жидко. А у вас? Не могу сказать, но что-то вот не то. А у вас? Нормально. Дайте еще попробовать. О, хорошо. И еще ложечку, эффект закрепить. Откуда сметанка? Из Луги? Хороший город, я там был. Проездом. Вообще-то я перепутал, нам творог нужен, а сметану я просто так люблю. Нет, творог пробовать не буду. Ладно, давайте сюда вашу сметану».

– А скажите, – для отвода глаз решил прицениться Лёва, – почём у вас творог?

– Иди-иди отсюда, пока половником не получил! С ним ещё такой лохматый был, очкастый, помнишь, Нина, ходил тут, у всех сметану жрал? А ну проваливай, а то охранников позовём!

«Видимо, наши приметы известны теперь всем торговцам сметаной, а также творогом, сыром и сливками», – с грустью подумал Лёва и свернул в зеленой ряд. К счастью, Вероника быстро разобралась с последними покупками, внимательно оглядела пакеты, легко подхватила их и решительно направилась к выходу. Терять время было нельзя!

– Давайте я вам помогу. – Лёва возник у неё на пути.

– Что, простите? – удивилась Вероника и посмотрела на Лёву. Сверху вниз. Но, как будто почувствовав силу заклинания: «У меня был роман с баскетболисткой!», взглянула на него как на равного.

– Сумки до машины донести давайте помогу вам, – скороговоркой пояснил Лёва.

– А с чего вы взяли, что я на машине?

– У вас обувь, – нашелся Лёва, – светлая, чистая и не по погоде. В такой удобно на педаль газа нажимать, а если ходить по улицам, то очень скоро она придёт в негодность.

– Вы частный детектив?

– Нет, – помотал головой Лёва.

– Тогда зачем вы преследуете меня от самого Гостиного Двора?

Лёва, который начал преследование гораздо раньше, слегка приободрился – всё-таки не самый распоследний он болван, хотя к тому близок.

– Ну, познакомиться, например, хотел, – ляпнул он.

– Вы выбрали не лучший способ знакомиться с современными женщинами. Если бы я была не в состоянии донести покупки до автомобиля, я бы отказалась от них, – тоном строгой учительницы произнесла Вероника и снова стала смотреть на своего собеседника сверху вниз.

– Современные женщины иногда так похожи на мужчин, что я начинаю думать: не меняемся ли мы местами? Может быть, эволюция ставит перед людьми новые задачи, и для выживания...

– Для выживания вам сейчас достаточно просто освободить проход и не задерживать меня, – кротко сказала Вероника.

– Я слышал, что многие женщины...

– Носят брюки совсем как мужчины! – насмешливо продолжила его собеседница. – А некоторые даже и курят. Впрочем, таких становится всё меньше и меньше.

– Они умирают? – уточнил кровожадный Лёва.

– Бросают, – отрезала Вероника. – А теперь я пойду в эту сторону, а вы – вон в ту, договорились?

– Подождите, вы меня неправильно поняли! – попытался протестовать Лёва.

– Хорошо, – покладисто кивнула Вероника, – тогда в ту сторону пойду я. А вы – в эту. И постарайтесь не слишком торопиться, чтобы нам опять случайно не встретиться. Жизнь велосипедиста на проезжей части, знаете ли, подвергается большой опасности.

– Вы мне угрожаете? – подпрыгнул на месте Лёва. – Вы – мне?

– В каком смысле – угрожаю? – удивлённо спросила Вероника. – Просто предупреждаю. Выхлопные газы, аварии, да мало ли что может случиться. На велосипеде такого качества я бы рискнула кататься только в тихом и безлюдном дворе.

– У нас некоторые по складу на нём катаются, – хмыкнул Лёва.

– Очаровательно, – улыбнулась Вероника. – Думаю, вам следует к ним присоединиться. Прямо сейчас. Напоминаю, что вам в ту сторону, мне – в эту. Прощайте.

И ушла. Просто вот взяла и ушла, уверенно шагая, будто и не тащила на себе все эти кабачки, помидоры, баклажаны и прочий турнепс.

Когда Лёва вышел на улицу, снег летел густыми белыми хлопьями. «Сука злобная, заморозит нас всех к чёртовой матери, Снежная королева хренова!» – ругался в темноту Разведчик, откапывая из сугроба велосипед.

Было тревожно и неуютно, будущее казалось беспросветным и тягостным: задание провалено, работа не выполнена. «Да пошли бы вы все! – свирепо подумал Лёва, налегая на педали своего подмёрзшего, но не утратившего подвижности транспортного средства. – Щас тачку на базу закину и пойду прошвырнусь по кабакам!»

После Машиного отъезда Константин Петрович взял моду приходить на работу первым, уходить – последним, да ещё и забирал с собой какие-то документы, чтобы просмотреть их перед сном, не торопясь и прихлёбывая горячий чай с мятой. Он приезжал домой, включал компьютер и иногда просто сидел перед ним, медитируя на скринсейвер в виде плавающего по всему экрану значка евро, а иногда действительно делал что-то полезное, пока силы не оставляли его окончательно. Утром он вскакивал с постели на секунду раньше будильника и мчался в уютный офис Тринадцатой редакции.

Его и раньше-то было не выгнать с рабочего места: дали бы волю, Константин Петрович поселился бы в своём кабинете и покидал его только по острой насущной необходимости. Но после того, как он однажды переночевал на работе – даже не за столом, уткнувшись носом в клавиатуру, а всего лишь на диванчике в приёмной, – дорогие коллеги принялись практиковаться по этому поводу в прикладном остроумии. Действительно смешно шутить удавалось немногим, кажется, только Денис смог не переборщить в этом деле, и то потому, что он на сей счет высказался всего один раз. Остальных же было просто не остановить: никакого уважения к старшему по должности! Константин Петрович, давно свыкшийся с прозвищем Цианид, на слово «трудоголик» почему-то реагировал очень болезненно. Так что в выходные он на работу не казал носа, а вместо этого встречался со старыми знакомыми, которых сумел найти через Интернет, и даже съездил несколько раз на ипподром с сёстрами Гусевыми.

Но как бы он ни пытался заполнить свою жизнь событиями, вопрос, от которого он убегал в работу или в необязательное общение, догонял его снова и снова, долбил клювом в темечко и лишал воли. Вопрос был такой: «Ну, и что делаем дальше?»

Вся жизнь коммерческого директора была распланирована и расписана на много лет вперёд, Машу он тоже занёс в свой жизненный график. Но её неожиданный отъезд разрушил всё. Он даже готов был смириться с тем, что ему дали отставку, и начать искать себе новую Машу, но каждый раз, когда такое решение было принято, она подавала ему какой-нибудь знак – и всё начиналось сначала.

Вот и сегодня – стоило ему на время углубиться в отчёты торгового отдела, как раздался звонок из Парижа. То есть всё произошло примерно так, как и предсказывал Даниил Юрьевич.

Маша и Константин Петрович научились рассказывать друг другу самые большие секреты под видом невиннейших баек, они понимали друг друга с полуслова, так что даже защита была им не нужна. Парижские коллеги расправились с шемобором, прибывшим из Испании. Следом за ним примчались два Бойца, которых едва удалось успокоить и выдворить обратно, не вызывая международного скандала, потому что горячие парни желали собственноручно разделаться с врагом, или с тем, кто посмел первым разделаться с их личным врагом. Совсем как сёстры Гусевы.

– Почему мы так редко созваниваемся? – спросил на прощание Константин Петрович.

– Разве редко? Я очень боюсь надоест тебе, ты ведь так занят, да?

Константин Петрович невразумительно угукнул – он не стал вдаваться в подробности своей личной бухгалтерии, но отметил в записной книжке, что теперь его очередь звонить, и это можно вписать в ежедневник и не мучиться от неопределённости.

После очередного звонка или письма от Маши Константин Петрович ходил ужинать в кондитерскую, в которой работала её мама, Елена Васильевна Белогорская. Было поразительно, как эта неуживчивая женщина находит общий язык со своим начальником. Впрочем, начальник дал ей возможность заниматься любимым делом, да ещё и платит за это деньги, а не «обманом заманил бедную девушку в Париж, а сам не поехал».

– Явился, подлец? – на весь зал крикнула Елена Васильевна, едва завидев Константина Петровича, аккуратно вешающего пальто на крючок у входа. Посетители окинули «подлеца» любопытными взглядами – и тут же вернулись к своим пирожным и прерванным разговорам.

– Здравствуйте, я тоже рад вас видеть, – улыбнулся Цианид. Он привык к такому залихватскому приветствию и не принимал его близко к сердцу. Тем более что в этой славной кондитерской вообще ничего не хотелось принимать близко к сердцу. Здесь, под защитой Хозяина Места, любой мог расслабиться, забыть о своих тяготах и неприятностях, и даже громкий, резкий голос Елены Васильевны звучал под этими сводами почти как пение ангелов. Ну хорошо, как пение очень простуженных и напрочь лишённых слуха, но всё же ангелов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.